Генералъ-Маіоръ А. К. Баіовъ.
Ординарный профессоръ Императорской Николаевской Военной Академіи.

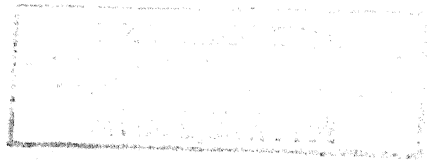
Графъ ДМИТРІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ

(Біографическій очеркъ).

Col

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

„Пров 38“

48440

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ родился 28-го іюня 1816 года въ Москвѣ, въ старой дворянской семьѣ, ведшей свой родъ со временъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Въ дѣлѣ воспитанія и обученія Дмитрія Алексѣевича большое вліяніе и значеніе имѣла его мать—сестра П. Д. Киселева, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей Николаевскаго времени.

Подъ вліяніемъ своей матери Дмитрій Алексѣевичъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ привыкъ смотрѣть на трудъ, какъ на благородное и пріятное дѣло. Этотъ взглядъ, эту привычку къ труду Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ сохранилъ и до послѣднихъ своихъ дней, не смотря на то, что умеръ онъ на 96-мъ году своей жизни.

Воспитывался Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ.

Еще не окончивъ курса пансіона и имѣя всего 16 лѣтъ отъ роду, онъ написалъ «Руководство къ съемкѣ плановъ» (Москва, 1832 г. 78 стр.).

Окончивъ курсъ пансіона съ серебряной медалью, Дмитрій Алексѣевичъ посвятилъ себя военной службѣ. 1-го марта 1833 года онъ опредѣлился фейерверкеромъ въ батарейную № 2 роту Л.-Гв. I-ой артиллерійской бригады.

Въ томъ же году, выдержавъ офицерскій экзаменъ, онъ 8-го ноября былъ произведенъ въ прапорщики.

Обладая недюжинными способностями, жаждавшій знаній и склонный къ научнымъ работамъ, Дмитрій Алексѣевичъ въ декабрѣ 1835 года поступилъ въ Императорскую Военную Академію, будучи зачисленъ прямо въ практическій классъ Академіи [1]).

---

[1]) Императорская Военная Академія, впослѣдствіи Николаевская Академія генеральнаго штаба, а нынѣ Императорская Николаевская

29-го марта 1836 года Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ былъ произведенъ въ поручики и 30-го ноября этого года былъ выпущенъ изъ Академіи, имѣя общую сумму балловъ 552 (при полной суммѣ, равной 570) и съ отмѣткой объ отличныхъ способностяхъ, кроткомъ характерѣ и весьма хорошемъ поведеніи.

По порядку окончанія Академіи Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ былъ вторымъ.

За столь блестящее окончаніе Академіи поручикъ Милютинъ получилъ малую серебряную медаль съ занесеніемъ имени его на почетную доску, былъ произведенъ въ чинъ поручика (10-го декабря 1836 года) и причисленъ къ генеральному штабу съ назначеніемъ въ гвардейскій генеральный штабъ.

Неся службу при штабѣ гвардейскаго корпуса, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ занялся и литературной дѣятельностью, результатомъ которой были: рядъ статей по военному и математическому отдѣламъ въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара (т.т. 10—15) и въ «Военномъ энциклопедическомъ лексиконѣ» Зедделера (т.т. 2—8), переводъ съ французскаго записокъ Сенъ-Сира (Военная библіотека Глазунова, 1840 г.)[1]) и статья «Суворовъ, какъ полководецъ» (Отечественныя записки, 1839 г. № 4).

Военная Академія, въ то время состояла изъ двухъ классовъ: теоретическаго (младшаго) и практическаго (старшаго).

Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ Академіи не сохранилось документовъ о поступленіи въ нее Д. А. Милютина. Съ увѣренностью можно только сказать, что 4-го сентября 1835 года Штабъ Отдѣльнаго гвардейскаго корпуса сообщилъ Вице-директору Академіи, что «Л.-Гв. I-й артиллерійской бригады прапорщикъ Милютинъ изъявилъ желаніе поступить въ Академію и что съ соизволенія Августѣйшаго командира корпуса онъ будетъ для экзаменовъ командированъ въ Академію». Затѣмъ 1-го сентября тотъ же штабъ увѣдомилъ Академію, что вслѣдствіе болѣзни прапорщикъ Милютинъ не можетъ явиться въ Академію къ экзамену. Изъ дальнѣйшей переписки видно, что 29-го декабря 1835 г. прапорщикъ Милютинъ уже былъ въ Академіи, но когда онъ держалъ экзамены и какіе были результаты этихъ экзаменовъ, объ этомъ никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ Академіи отыскать не удалось (Дѣло Императорской Военной Академіи 1835 г. № 35).

[1]) Д. А. Милютинымъ совмѣстно съ его однокурсникомъ по Академіи, Л. Л. Штюрмеромъ, были переведены 2 и 3 части Записокъ Сенъ-Сира, касающіяся революціонныхъ войнъ 1794 и 1795 г. Къ переводу переводчиками сдѣлано нѣсколько примѣчаній съ разсужденіями о военномъ искусствѣ. Трудно сказать, кому именно изъ двухъ переводчи-

Большая часть изъ указанныхъ работъ Милютина относится къ военно-историческимъ и притомъ главнымъ образомъ—къ русскимъ событіямъ.

Эти послѣднія работы представляютъ собой толковое, очень обстоятельное описаніе событій; факты въ нихъ изложены вѣрно, переданы сжато и ясно. Онѣ не содержатъ въ себѣ безпочвенной критики; съ другой стороны, онѣ не имѣютъ героическаго характера, но само изложеніе фактической стороны невольно приводитъ къ опредѣленнымъ выводамъ и оттѣняетъ особенности того или другого событія, подчеркиваетъ поведеніе войскъ и величіе ихъ подвига. Ясность картины описываемаго событія достигается Милютинымъ въ этихъ работахъ умѣлымъ сопоставленіемъ фактической стороны съ состояніемъ военнаго искусства въ соотвѣтственную эпоху.

Однако, мирная служба въ то время—славной борьбы нашихъ войскъ на Кавказѣ—не удовлетворяла Милютина, и онъ въ 1839 г. переходитъ на службу на Кавказъ съ переводомъ въ генеральный штабъ и съ производствомъ въ штабсъ-капитаны (6-го декабря 1839 года).

Въ это время на Восточномъ Кавказѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затишья рѣшено было въ виду весьма сильнаго развитія мюридизма предпринять рѣшительное наступленіе въ горы съ цѣлью однимъ ударомъ подавить его. Результатомъ такого рѣшенія въ 1839 году была экспедиція со стороны Кавказской линіи къ Ахульго, служившему въ то время мѣстопребываніемъ главы мюридизма, Шамиля. Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ Г. А. Граббе. Въ отрядъ Граббе и былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Милютинъ.

Онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ отряда Граббе: при взятіи укрѣпленнаго замка Саясона, въ разгромѣ аула Буртукай, гдѣ былъ разбитъ Шамиль, при осадѣ стараго замка Ахульго, штурмѣ и взятіи приступомъ Сурхайской башни и новаго замка Ахульго, при покореніи аула Чиркея и, наконецъ,—въ бояхъ при урочищѣ Ахметъ-Тала.

Въ бою при Ахметъ-Тала 10-го мая 1839 г. Милютинъ

ковъ принадлежатъ эти примѣчанія. Во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о правильности взглядовъ, проповѣдывавшихся въ то время въ Академіи.

былъ раненъ ружейною пулею на вылетъ въ правое плечо съ поврежденіемъ кости, что не помѣшало ему послѣ перевязки оставаться при отрядѣ во все время экспедиціи.

За боевыя отличія, оказанныя въ этихъ дѣлахъ, Д. А. Милютинъ получилъ ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, и 9-го февраля 1840 года былъ произведенъ въ капитаны и назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи.

Въ 1843 году Д. А. Милютинъ былъ произведенъ въ подполковники съ назначеніемъ оберъ-квартирмейстеромъ войскъ Кавказской линіи и Черноморія.

Въ этой должности онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Чеченскаго отряда.

Но, неся тяжелую боевую службу на Кавказѣ, Д. А. Милютинъ не оставлялъ и литературной работы и въ 1843 году составилъ Высочайше потомъ одобренное «Наставленіе къ занятію, оборонѣ и атакѣ лѣсовъ, деревень, враговъ и другихъ мѣстныхъ предметовъ».

Это «наставленіе» отличается практичностью указаній и простотой изложенія; въ немъ установлены вполнѣ раціональные способы дѣйствій въ указанныхъ условіяхъ и опредѣлена роль каждаго рода войскъ соотвѣтственно его свойствамъ и вооруженію, причемъ основныя положенія того или другого настолько жизненны, что сохраняютъ значеніе и для настоящаго времени.

Въ 1844 году Дмитрій Алексѣевичъ по разстроенному здоровью принужденъ былъ покинуть Кавказъ и вернуться въ Петербургъ, гдѣ былъ сначала назначенъ въ распоряженіе Военнаго Министра, а съ октября 1848 года по 1856 годъ—состоящимъ для особыхъ порученій при немъ.

Состоя въ этихъ должностяхъ, Д. А. Милютинъ въ то же время, съ 1845 и по 1856 годъ, былъ профессоромъ Императорской Военной Академіи, занимая кафедру военной географіи.

Съ 1845 года и начинается обширная и въ высшей степени плодотворная литературно-научная дѣятельность Д. А. Милютина.

Прежде всего въ «Военномъ Журналѣ» за 1846 годъ № 1 имъ была помѣщена статья «Критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и статистики». Затѣмъ въ 1847 году появились «Первые опыты военной статистики».

Этотъ замѣчательный трудъ состоялъ изъ двухъ томовъ: т. I «Вступленіе» и «Основанія политической и военной системы Германскаго союза» и т. II «Военная статистика Прусскаго королевства».

Трудъ этотъ заключалъ въ себѣ критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и военной статистики. Исходя изъ той вполнѣ правильной основной мысли, что для вѣрнаго опредѣленія могущества государства недостаточно указать лишь однѣ географическія данныя о немъ и численную силу его войскъ, а надо изслѣдовать источники военныхъ средствъ государства, самую систему его военныхъ учрежденій и мѣстныя свойства страны съ ихъ слабыми и сильными сторонами, Милютинъ полагалъ необходимымъ разсматривать каждое государство по слѣдующимъ тремъ отдѣламъ: 1) основныя начала военной силы государства: географическое положеніе, свойства страны, пути сообщенія, народонаселеніе, матеріальное и нравственное его состояніе, финансы; 2) вооруженныя силы, т. е. военныя учрежденія, устройство и численный составъ арміи и самое состояніе войскъ; 3) стратегическій разборъ тѣхъ пространствъ, которыя могутъ служить театромъ войны между сосѣдними государствами [1]).

«Первые опыты военной статистики» послужили началомъ, основаніемъ новой наукѣ—«военной статистикѣ», которая, благодаря неустаннымъ трудамъ, оригинальности, самобытности, просвѣщенности и всесторонней талантливости ея создателя, вполнѣ отвѣчала природѣ вещей и практическимъ потребностямъ жизни.

Замѣнившая такимъ образомъ съ 1847 года военную географію, военная статистика скоро не только заняла прочное положеніе въ ряду военныхъ наукъ, но и была включена въ кругъ наукъ вообще, что было засвидѣтельствовано Академіей Наукъ увѣнчаніемъ названнаго труда Демидовской преміей.

Въ частности научныя работы Д. А. Милютина дали прочныя основы для постановки курса военной статистики въ Императорской Военной Академіи, причемъ эти основы

---

[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства. Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба въ 1825—1902 г.г. IV ч. 2 отд. I. Составилъ П. А. Гейсманъ, стр. 235.

и нынѣ служатъ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ покоится современный академическій курсъ этого предмета.

Однако, разностороннія дарованія талантливаго профессора военной статистики не могли мириться съ занятіями одной только статистикой, и Д. А. Милютинъ обратился къ источнику всѣхъ военныхъ наукъ—военной исторіи.

Матеріаломъ для первой работы Дмитрія Алексѣевича въ новомъ направленіи послужилъ его личный боевой опытъ, и въ 1850 году онъ составилъ лучшее и до настоящаго времени описаніе военныхъ дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ 1839 году.

Но талантъ военнаго историка развернулся у Дмитрія Алексѣевича лишь черезъ два года, когда за смертью исторіографа, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, Милютину Высочайше поручено было писать «Исторію войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году».

Этотъ капитальный трудъ, написанный Дмитріемъ Алексѣевичемъ въ промежутокъ времени отъ 1852 до 1854 года, въ зависимости отъ пріемовъ, примѣненныхъ имъ при его составленіи, является строго научнымъ изслѣдованіемъ, положившимъ начало нашей военно-исторической наукѣ.

На этомъ трудѣ Дмитрій Алексѣевичъ указалъ впервые въ полномъ смыслѣ слова научные методъ и пріемы военно-исторической работы, основывающейся на самомъ тщательномъ изслѣдованіи первоисточниковъ—архивныхъ данныхъ, мемуаровъ и т. п., подвергнутыхъ авторомъ самой тщательной критикѣ путемъ детальнаго изученія каждаго изъ нихъ и сопоставленія ихъ между собою. Въ то же время, давъ въ этомъ трудѣ впервые научную разработку дѣяній Суворова, Дмитрій Алексѣевичъ положилъ начало Суворовскому культу.

Этотъ громадный трудъ состоитъ изъ 8 частей съ обширными приложеніями, въ которыя вошли подробныя вѣдомости о составѣ и числительной силѣ армій и разныхъ частей ея, исчисленія потерь въ сраженіяхъ и трофеевъ, критическія замѣчанія о военныхъ дѣйствіяхъ и сужденія о нихъ извѣстнѣйшихъ писателей, указанія источниковъ и документовъ, а иногда и самые документы,—все это въ качествѣ какъ-бы оправдательныхъ документовъ къ тексту.

Кромѣ того, «Исторія войны 1799 года» снабжена болѣе чѣмъ сотнею прекрасныхъ картъ и плановъ.

Правильность метода, примѣненнаго при разработкѣ этого труда Милютинымъ, и добросовѣстность автора доказываются, между прочимъ, тѣмъ, что и до послѣднихъ дней какъ въ нашей, такъ и въ иностранной научной литературѣ по поводу этой войны не сказано съ тѣхъ поръ ничего новаго, и, напротивъ того, трудъ Милютина является основою всѣхъ послѣдующихъ трудовъ по этому вопросу.

Въ награду за этотъ трудъ Дмитрій Алексѣевичъ удостоился получить брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Императорскаго Величества.

Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода исторіи войны 1799 года, въ 1857 году, потребовалось выпустить ее вторымъ изданіемъ.

Это второе изданіе рецензировалъ знаменитый профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ, Грановскій.

Просвѣщенный и обладающій громадной эрудиціей, рецензентъ писалъ, что изслѣдованіе Милютина объ Итальянскомъ походѣ Суворова «принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя необходимы каждому образованному русскому, и займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто въ обще-европейской исторической литературѣ». Далѣе историкъ призналъ его «трудомъ, въ полномъ смыслѣ слова самостоятельнымъ и оригинальнымъ», въ которомъ «изложеніе событій отличается необыкновенной ясностью и спокойствіемъ взгляда, неотуманеннаго никакими предубѣжденіями, и тою благородною простотою, которая составляетъ принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія».

По этой рецензіи Академія Наукъ присудила Дмитрію Алексѣевичу Милютину за его «Исторію войны 1799 года» полную Демидовскую премію и избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а Петербургскій университетъ въ 1866 году поднесъ Дмитрію Алексѣевичу Милютину званіе доктора русской исторіи.

«Исторія войны 1799 года» переведена на нѣмецкій и французскій языки.

Будучи профессоромъ Академіи и состоя для поруче-

ній при Военномъ Министрѣ, Д. А. Милютинъ въ то же время исправлялъ должность Управляющаго Третьимъ (воспитательнымъ) отдѣленіемъ штаба военно-учебныхъ заведеній, а въ 1848 году былъ назначенъ членомъ Ученаго Комитета Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ.

Въ 1847 году Милютинъ былъ произведенъ въ полковники. Въ 1853 году онъ сопровождалъ Императора Николая Павловича въ его путешествіи за границу. Въ 1854 году Дмитрій Алексѣевичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ дѣлопроизводителемъ Особой комиссіи о мѣрахъ защиты береговъ Балтійскаго моря (1854—1856 г.г.), а также избранъ въ члены комиссіи, составленной для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго округа при университетѣ Св. Владимира.

Въ 1855 году генералъ-маіоръ Милютинъ былъ зачисленъ въ Свиту Его Величества.

Въ 1856 году Дмитрій Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ комиссіи для улучшеній по военной части, членомъ и дѣлопроизводителемъ комитета объ укрѣпленіи пунктовъ Прибалтійскаго края и членомъ комитета объ устройствѣ юнкерскихъ школъ при армейскихъ корпусахъ.

Въ этомъ уже году Милютинъ получилъ орденъ Св. Станислава, а въ 1857 г.—орденъ Св. Анны 1-й степени.

Обширныя познанія, просвѣщенные взгляды, громадная трудоспособность и неустанная энергія дѣлали Д. А. Милютина вездѣ желательнымъ и полезнымъ сотрудникомъ.

Не смотря на то, что Д. А. Милютинъ много работалъ по званію профессора, исполнялъ и другія должности, требующія времени и труда, не смотря на то, что онъ, наконецъ, состоялъ членомъ нѣсколькихъ комиссій, которыя отъ него также требовали не мало работы, тѣмъ не менѣе, однако, Милютинъ не оставлялъ и своихъ научныхъ занятій.

Закончивъ свой трудъ «Исторія войны 1799 года», онъ сталъ собирать архивные документы по исторіи Кавказа. Въ теченіе трехъ лѣтъ занимался онъ этимъ важнымъ и интереснымъ дѣломъ, но крутое измѣненіе въ 1856 году характера и рода его службы прекратило всякія дальнѣй-

шія военно-научныя занятія, къ которымъ впослѣдствіи онъ уже болѣе и не возвращался [1]).

Въ 1856 году Д. А. Милютинъ по собственному желанію былъ отчисленъ отъ должности профессора Академіи и назначенъ начальникомъ штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся.

Это послѣднее назначеніе было результатомъ ходатайства князя Александра Ивановича Барятинскаго, который въ 1855 году былъ назначенъ Намѣстникомъ Кавказа и Главнокомандующимъ расположенными тамъ войсками.

Несомнѣнно, что предшествующій боевой опытъ Милютина на Кавказѣ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, его здравыя понятія и правильныя сужденія о военномъ дѣлѣ, высказанныя имъ въ его научныхъ и литературныхъ трудахъ, наконецъ, просвѣщенность и даровитость Милютина, его систематическій, воспитанный наукой и привыкшій научно работать умъ, — все это, такъ ярко сказавшееся во всѣхъ работахъ Милютина, было причиной того, что князь Барятинскій, получивъ столь трудное и отвѣтственное дѣло, какъ приведеніе къ концу свыше пятидесятилѣтней борьбы нашей съ горцами на Кавказѣ, ближайшимъ своимъ сотрудникомъ и помощникомъ избралъ Дмитрія Алексѣевича.

И князь Александръ Ивановичъ не ошибся. Только благодаря просвѣщенной дѣятельности Милютина въ роли начальника штаба Кавказской арміи уже черезъ три года Восточный Кавказъ былъ нами покоренъ, а спустя пять лѣтъ была закончена борьба и на Западномъ Кавказѣ.

---

[1]) Въ послѣдніе годы жизни Д. А. Милютина въ газетахъ разнаго направленія не разъ сообщалось, что онъ, живя съ 1881 года въ Крыму въ своемъ имѣніи Симеизъ, пишетъ исторію царствованія Императора Александра II, или, по сообщенію газетъ извѣстнаго направленія, какъ говорилъ будто бы самъ Милютинъ,— «исторію своего Государя». По словамъ одного изъ самыхъ близкихъ къ Милютину лицъ, когда по поводу этихъ извѣстій оно обратилось къ графу Дмитрію Алексѣевичу, то онъ сказалъ: «Такъ исторію не пишутъ». «Такъ», т. е. не имѣя въ полной мѣрѣ подъ рукой соотвѣтствующаго матеріала—архивныхъ и другихъ первоисточниковъ.

Какъ историкъ чистой воды, графъ Милютинъ не признавалъ другого писанія исторіи, какъ только по первоисточникамъ.

Это доказалъ онъ своими научными работами, это подтвердилъ онъ за нѣсколько недѣль до своей смерти, указавъ, что главная работа Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества должна состоять въ изданіи архивныхъ документовъ.

Не смотря на то, что до 1856 года война на Кавказѣ длилась уже 57 лѣтъ и что за это время во главѣ нашихъ войскъ нерѣдко стояли выдающіеся военноначальники, не смотря, наконецъ, на громадные труды и усилія Кавказскихъ войскъ, дѣйствія которыхъ были сплошнымъ подвигомъ,—все же къ 1856 году окончательное покореніе Кавказа далеко не было закончено и требовало еще большихъ трудовъ и громадныхъ усилій.

Такое положеніе вещей создалось прежде всего потому, что въ теченіе долгаго времени не было установлено въ военныхъ дѣйствіяхъ той руководящей идеи, которая всецѣло соотвѣтствовала бы всѣмъ условіямъ войны, совокупности всѣхъ данныхъ существовавшей обстановки. Когда же такая идея и устанавливалась, то по тѣмъ или другимъ причинамъ она не проводилась строго на практикѣ въ жизнь.

Главная заслуга Милютина, какъ начальника штаба Кавказской арміи, и заключается именно въ томъ, что, знакомый съ условіями Кавказской войны, онъ въ основу нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій на Кавказѣ положилъ вполнѣ правильную мысль генерала Вельяминова — противъ Кавказскихъ горцевъ нужно дѣйствовать такъ же, какъ и противъ осаждаемой крѣпости; затѣмъ, на основахъ этой мысли Милютинъ детально и въ соотвѣтствіи съ обстановкою разработалъ подробный планъ борьбы и, наконецъ, явился непосредственнымъ руководителемъ исполнителей этого плана и выполнителемъ всѣхъ мѣръ, способствовавшихъ проведенію его въ жизнь.

Результаты не замедлили сказаться, и честь окончательнаго покоренія Кавказа должна по праву, по крайней мѣрѣ въ равной степени, принадлежать и Д. А. Милютину, и князю А. И. Барятинскому.

Въ этотъ періодъ своей дѣятельности, будучи главнымъ организаторомъ всѣхъ нашихъ боевыхъ успѣховъ, источникомъ всѣхъ распоряженій и дѣйствій, самъ Милютинъ непосредственно не принималъ участія въ боевыхъ столкновеніяхъ нашихъ съ противникомъ.

Впрочемъ, въ 1859 году онъ находился при войскахъ Чеченскаго отряда, когда происходило движеніе въ Нагорный Дагестанъ, окончившееся овладѣніемъ укрѣпленнаго аула Гуниба и плѣненіемъ Шамиля, а въ 1860 году Дмитрій Алексѣевичъ, по порученію Главнокомандующаго

Кавказской арміей, осматривая отряды, дѣйствовавшіе въ Кубанской области, участвовалъ въ дѣлахъ Шапсугскаго отряда на р.р. Иль и Убинѣ.

Во время вторичнаго своего пребыванія на Кавказѣ Милютинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (въ 1858 году), удостоенъ назначенія генералъ-адъютантомъ и награжденъ орденомъ Св. Владимира 2-й степени съ мечами (въ 1859 году).

Въ 1859 году на Кавказѣ главное было сдѣлано. Съ другой стороны, къ этому времени вопросъ о реформахъ, потребность въ которыхъ стала очевидной послѣ Восточной войны 1853—1856 г.г., назрѣлъ настолько, что явилась необходимость скорѣйшаго его разрѣшенія. Для этого нуженъ былъ человѣкъ образованный, знающій, просвѣщенный, съ широкимъ взглядомъ на вещи, съ талантомъ администратора, съ дарованіями организатора.

Выборъ Государя палъ на Д. А. Милютина, высокія качества котораго были извѣстны Императору Александру II по его дѣятельности, непосредственно передъ назначеніемъ на Кавказъ, въ различнаго рода комиссіяхъ и которыя теперь проявились на иномъ поприщѣ, выказавъ разносторонность дарованія и богатую научную подготовку Милютина.

Въ результатѣ Дмитрій Алексѣевичъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 30-го августа 1860 года назначенъ Товарищемъ Военнаго Министра, которымъ былъ тогда генералъ-адъютантъ Н. О. Сухозанетъ 2-й. Въ то же время Милютинъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, а нѣсколько больше, чѣмъ черезъ годъ, а именно: 9-го ноября 1861 г.,— былъ назначенъ Военнымъ Министромъ.

Въ 1862 г. Милютинъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго, а въ 1864 г.—алмазные знаки къ нему. Въ 1866 году Д. А. Милютинъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, въ 1868 г. — награжденъ орденомъ Св. Владимира 1-ой степени.

Съ назначеніемъ Дмитрія Алексѣевича Военнымъ Министромъ онъ долженъ былъ совершенно оставить активный путь занятія наукой и всецѣло предаться той громадной организаціонной и административной работѣ, которой требовало отъ него реформированіе арміи.

Пользуясь на практикѣ въ примѣненіи къ указанному реформированію всѣмъ тѣмъ, что дала ему наука и на-

учныя занятія, Дмитрій Алексѣевичъ въ послѣдующее время имѣлъ возможность соприкасаться съ научными занятіями только лишь посредствомъ чтенія, при чемъ кругъ послѣдняго включалъ въ себѣ главнымъ образомъ историческіе труды, которыми онъ интересовался до самыхъ послѣднихъ своихъ дней.

То вниманіе, которое выказывалъ Милютинъ до конца своей жизни къ дѣятельности Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества, почетнымъ членомъ котораго онъ былъ, также свидѣтельствуетъ, что въ области науки его болѣе всего привлекала исторія.

Въ краткомъ очеркѣ нѣтъ возможности подробно останавливаться на дѣятельности Милютина, какъ Военнаго Министра, чтобы разсмотрѣть степень его участія и вліянія на всѣ преобразованія русской арміи того времени. Сдѣлать это тѣмъ болѣе трудно, что глубокій, систематическій умъ Милютина, обработанный и дисциплинированный долголѣтними научными занятіями, его обширныя познанія и разносторонняя даровитость имѣли слѣдствіемъ то, что сфера его дѣятельности въ это время не ограничивалась только Военнымъ Министерствомъ, а онъ сыгралъ немаловажную роль и въ реформахъ другихъ сторонъ русской жизни, другихъ вѣдомствъ, благотворно вліяя на ходъ, направленіе и характеръ этихъ реформъ.

Но прежде, чѣмъ останавливаться, хотя бы и въ общихъ чертахъ, на существеннѣйшихъ преобразованіяхъ Милютина въ области военной, отмѣтимъ главнѣйшую особенность всѣхъ преобразованій и мѣропріятій Милютина, ту ихъ особенность, которой опредѣлялся характеръ ихъ, давался тонъ всей его дѣятельности, указывалось направленіе его мѣропріятій, опредѣлялись не только основныя идеи реформъ, но въ значительной степени ихъ формы, а также способъ ихъ выполненія, ихъ проведенія въ жизнь.

Такой особенностью всѣхъ преобразованій Милютина, придающей всѣмъ имъ нѣкоторую общность и объединенность, является то, что руководящимъ началомъ ихъ было стремленіе Дмитрія Алексѣевича въ основу всего положить знаніе, науку, образованіе и просвѣщеніе.

Организація различныхъ учрежденій, ихъ дѣятельность должны были отвѣчать современнымъ научнымъ выводамъ, основывающимся на предшествующемъ опытѣ, современ-

ной обстановкѣ въ широкомъ смыслѣ и на требованіяхъ данныхъ условій жизни; лица, составляющія эти учрежденія и своей работой дающія жизнь этимъ учрежденіямъ и опредѣляющія ихъ дѣятельность въ ея практическомъ осуществленіи, должны были, по мысли Милютина, быть людьми, научно-образованными, просвѣщенными, знающими и свѣдущими.

Крупнѣйшими недостатками нашего военнаго управленія того времени были: отсутствіе единства власти и полная централизація. Послѣдняя совершенно уничтожала свободную иниціативу подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, дѣлала ихъ безотвѣтственными. Это же съ одной стороны приводило къ тому, что отъ исполнителей на мѣстахъ не требовалось знанія и образованія, а съ другой стороны—влекло за собою чрезмѣрное обремененіе дѣлами высшихъ инстанцій, приводило къ накопленію въ нихъ нерѣшенныхъ дѣлъ или принуждало рѣшать дѣла поспѣшно.

Въ результатѣ открывалось широкое поле для злоупотребленій; все вниманіе обращалось не на суть дѣла, а на его формы; рѣшались только мелкія дѣла, а наиболѣе важныя оставались безъ вниманія. Путь усовершенствованій во всѣхъ отрасляхъ военнаго дѣла былъ закрытъ и боевая подготовка арміи получала неправильное направленіе и не отвѣчала современнымъ требованіямъ жизни, а въ частности—современному состоянію военнаго искусства.

Яркое изображеніе тогдашняго положенія вещей въ указанномъ отношеніи представлено во всеподданнѣйшей запискѣ одного изъ лучшихъ генераловъ того времени, генерала графа Ридигера, поданной имъ Государю Императору Александру II еще въ августѣ 1855 года.

Графъ Ридигеръ писалъ, что «разсматривая списки командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій, невозможно указать ни одного, который удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ отъ самостоятельнаго высшаго начальника». Приписывая это никакъ не отсутствію у насъ способныхъ генераловъ, а незнанію, кто изъ нихъ способенъ и кто нѣтъ, графъ Ридигеръ писалъ, что «причиной является излишняя централизація, при которой подчиненному невозможно обнаружить свои дарованія».

Затѣмъ авторъ записки указывалъ, что постоянное вмѣшательство свыше во всѣ мелочныя подробности службы уничтожило всякое стремленіе къ усовершенствованію, за-

мѣнивъ его желаніемъ избѣжать непріятностей, которыя могло бы навлечь какое-либо проявленіе самостоятельности. Это же вмѣшательство въ дѣла подчиненнаго естественно снимало съ него всякую отвѣтственность.

Далѣе графъ Ридигеръ доказывалъ, что усовершенствованіе войскъ ограничивалось лишь внѣшней стороной дѣла, потому что корпусный командиръ, желая заслужить одобреніе Главнокомандующаго, прилагалъ всѣ усилія къ усовершенствованію исключительно того, на что обращалъ вниманіе послѣдній. Но такъ какъ Главнокомандующій, не имѣя возможности посвящать много времени на основательные смотры войскъ, ограничивался обыкновенно смотромъ линейнаго ученія и маршировки, то на эти-то отдѣлы и обращалось особенное вниманіе, а такія важныя въ военномъ отношеніи отрасли обученія, какъ стрѣльба, примѣненіе къ мѣстности, аванпостная служба и друг., оставались въ загонѣ и производились лишь для очистки нумера. «Всѣ начальники, писалъ графъ Ридигеръ, отъ баталіоннаго командира до корпуснаго командира были твердо убѣждены, что ихъ репутація зависитъ единственно отъ безупречнаго равненія солдата и отъ степени его совершенства въ маршировкѣ.

«Конечно, прибавлялъ графъ Ридигеръ, всѣ перечисленные недостатки не зависятъ исключительно отъ системы военнаго управленія, тѣмъ не менѣе эта система является одною изъ первыхъ причинъ ихъ вслѣдствіе постоянства и неизбѣжности ея вліянія, не взирая на характеръ личностей, стоящихъ во главѣ управленія» [1]).

Эта всеподданнѣйшая записка графа Ридигера показываетъ, что еще за нѣсколько лѣтъ до того времени, когда Милютинъ волею Государя былъ призванъ стать во главѣ военнаго вѣдомства, лучшими нашими генералами сознавалась полная неудовлетворительность нашей военной системы. Мало того, та же записка графа Ридигера показываетъ, что уже въ то время намѣчались даже и нѣкоторыя вполнѣ раціональныя мѣры для уменьшенія этого зла.

Однако, провести въ жизнь эти мѣры, практически ихъ осуществить рѣшился только Д. А. Милютинъ. При этомъ тѣ намеки, которые въ этомъ отношеніи явились до Ми-

---

[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства. Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи. Составилъ Н. А. Даниловъ. Стр. 377—388.

СОЦ
А

лютина, онъ дополнилъ, развилъ, привелъ въ порядокъ и въ результатѣ создалъ цѣлую стройную систему, проникнутую одной общей идеей и отличающуюся единствомъ и послѣдовательностью отдѣльныхъ ея частей.

Только глубокое знаніе настоящаго положенія вещей, твердое сознаніе его неудовлетворительности, широкое пониманіе существа дѣла, обширныя познанія, глубокая убѣжденность въ необходимости и возможности усовершенствованій на этомъ пути, обширная научная подготовка и общая просвѣщенность, наконецъ, неутомимый трудъ и безмѣрная энергія дали возможность Дмитрію Алексѣевичу съ твердой надеждой на успѣхъ приступить къ реформамъ, основы которыхъ, по его всеподданнѣйшему докладу, были Всемилостивѣйше утверждены въ январѣ 1862 года Государемъ Императоромъ, и затѣмъ, потративъ массу труда, благополучно привести ихъ къ счастливому окончанію.

Руководящимъ положеніемъ всѣхъ военныхъ реформъ Милютина было: поддержаніе нашихъ военныхъ силъ въ положеніи, соотвѣтственномъ силамъ другихъ Европейскихъ государствъ, и улучшеніе по разнымъ отраслямъ военнаго устройства, при условіи возможнаго облегченія того бремени, которое составляютъ для государства военные расходы.

Задача—чрезвычайно сложная и для выполненія крайне трудная, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію самого Милютина, политическое положеніе того времени, пріобрѣтенное тысячелѣтнимъ существованіемъ Россіи, не допускало сокращенія боевого элемента арміи и даже, напротивъ, требовало усиленія его для того, чтобы государство было способно къ новой борьбѣ съ коалиціей.

Отсюда естественный выводъ о необходимости сократить небоевой элементъ арміи и принять мѣры къ тому, чтобы, оставивъ въ прежнемъ размѣрѣ боевой элементъ арміи въ мирное время, имѣть возможность увеличить его въ военное время. Достигнуть же этого, по мнѣнію Милютина, можно было: во 1-хъ, упраздненіемъ корпуса внутренней стражи, обязанности котораго заключались главнымъ образомъ въ караульной службѣ; во 2-хъ, реорганизаціей резервныхъ войскъ такимъ образомъ, чтобы въ мирное время они могли выполнять обязанности упраздняемаго корпуса внутренней стражи, а въ военное время,—передавъ эти обязанности иной категоріи войскъ, принять

участіе въ военныхъ операціяхъ, увеличивая боевую силу арміи; въ 3-хъ, созданіемъ въ мирное время кадровъ для запасныхъ войскъ; въ военное время эти кадры, развернувшись, должны были подготовлять рекрутъ и принимать на себя обязанность мирнаго времени резервныхъ войскъ, т. е. несеніе гарнизонной службы.

Но такое измѣненіе въ организаціи резервныхъ и запасныхъ войскъ могло достигнуть благопріятныхъ результатовъ только при наличности достаточнаго числа лицъ, прошедшихъ черезъ ряды арміи. Это же, по мнѣнію Милютина, вызывало: во 1-хъ, сокращеніе срока службы въ постоянныхъ войскахъ, и во 2-хъ,—пересмотръ рекрутскаго устава въ его основаніяхъ.

Но указанныя реформы, въ связи съ необходимостью сократить расходы на армію, не уменьшая ея боевого состава, требовали переустройства центральныхъ строевыхъ и мѣстныхъ штабовъ и управленій, т. е., другими словами,—переустройства всего военнаго управленія. Характеръ же этого переустройства подсказывался Милютину хорошо извѣстными недостатками нашего военнаго управленія.

«Настоящей нашей организаціи военнаго управленія, говорилъ Милютинъ, въ особенности можно поставить въ упрекъ крайнюю централизацію, которая уничтожаетъ всякую иниціативу административныхъ органовъ, стѣсняетъ ихъ мелочною опекою высшихъ властей и лишаетъ сіи послѣднія возможности неупустительнаго надзора и фактическаго контроля за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ и установленій. Та же централизація со всѣми вредными ея послѣдствіями развита у насъ и въ строевомъ управленіи войскъ, гдѣ недостатокъ иниціативы въ частныхъ воинскихъ начальникахъ, въ особенности въ военное время, проявлялся не разъ и приводилъ къ самымъ печальнымъ результатамъ» [1]).

Устраненіе указанныхъ выше недостатковъ устройства нашего военнаго управленія возможно было, по признанію Милютина, только децентрализаціей власти, расширеніемъ правъ мѣстныхъ управленій и соотвѣтствующимъ упрощеніемъ дѣлопроизводства.

Но устройство военнаго управленія на всѣхъ его сту-

---

[1]) Даниловъ, ор. с., стр. 433—434.

пеняхъ на новыхъ основаніяхъ несомнѣнно требовало соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ различныхъ степеней.

По этому поводу Милютинъ говорилъ: «Благоустройство и достоинство арміи всего болѣе зависятъ отъ хорошаго выбора начальниковъ на разныя степени служебной іерархіи. Безъ этого существеннаго условія будутъ безплодны всѣ лучшія мѣры, принимаемыя для усовершенствованія войскъ и ихъ управленій» [1]).

Такимъ образомъ, естественно возникалъ вопросъ о реформахъ въ дѣлѣ комплектованія арміи офицерами и порядка прохожденія ихъ службы.

Въ началѣ 1862 года всѣ намѣченныя реформы на только-что указанныхъ основахъ стали приводиться въ исполненіе.

И на этомъ пути необходимо отмѣтить двѣ особенности въ дѣятельности Милютина: во 1-хъ, осторожность и постепенность, съ которыми онъ дѣйствовалъ, а во 2-хъ, — наличность громадныхъ препятствій, съ которыми пришлось встрѣтиться Милютину въ этомъ дѣлѣ.

Еще въ своемъ программномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ Государю Императору 15-го января 1862 года, Милютинъ писалъ: «Если представляемая нынѣ программа—хотя въ главныхъ идеяхъ—удостоится предварительно Высочайшаго одобренія, то самая разработка заключающихся въ ней предположеній потребуетъ, конечно, многолѣтней дѣятельности Военнаго Министерства. Дѣйствуя съ надлежащей постепенностью и тою осторожностью, которая столь необходима въ дѣлѣ административныхъ преобразованій, я буду имѣть счастье послѣдовательно повергать на Монаршее Ваше благоусмотрѣніе Всеподданнѣйшіе доклады по тѣмъ изъ предположеній, которыя возможно будетъ осуществлять сообразно съ обстоятельствами и средствами [2])».

Впослѣдствіи, уже приступивъ къ выполненію тѣхъ или другихъ мѣръ, намѣченныхъ реформою, Милютинъ для разработки ихъ составилъ подъ своимъ предсѣдатель-

---

[1]) Ibid., стр. 446.

[2]) Ibid., стр. 449.

ствомъ особое совѣщаніе; детальная же разработка отдѣльныхъ вопросовъ поручалась имъ особымъ комиссіямъ изъ спеціалистовъ.

Составленные въ комиссіи проекты разсылались на разсмотрѣніе войсковыхъ мѣстныхъ управленій и всѣхъ лицъ, отъ кого возможно было ожидать полезныхъ указаній. Такимъ образомъ, окончательное рѣшеніе на установленіе какой-либо новой мѣры принималось только по зрѣломъ и всестороннемъ ея обсужденіи подлежащими управленіями и компетентными лицами.

Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ одинъ изъ спеціальныхъ изслѣдователей даннаго вопроса, «преобразованія 1860-хъ годовъ никакъ нельзя считать послѣдствіемъ какихъ либо предвзятыхъ идей, насильно привитыхъ нашему военному быту [1])».

Тѣмъ не менѣе, однако, нужно сказать, что основныя идеи этихъ реформъ принадлежали одному лицу—Дмитрію Алексѣевичу Милютину, что эти идеи являлись руководящими во всѣхъ частныхъ мѣропріятіяхъ общей реформы, что на основахъ этихъ идей была создана цѣлая стройная система, каждая частность которой вытекала изъ общихъ началъ и гармонировала съ другими ея частностями, что, наконецъ, детальная разработка всѣхъ вопросовъ реформъ какъ въ центральныхъ управленіяхъ, такъ и на мѣстахъ велась подъ просвѣщеннымъ и авторитетнымъ руководствомъ создателя программы реформъ, человѣка, обладающаго громадными знаніями и обширнымъ житейскимъ и служебнымъ опытомъ—какъ мирнаго времени, такъ и боевымъ.

Что касается тѣхъ трудностей, съ которыми приходилось бороться Милютину при проведеніи его реформъ въ жизнь, то въ этомъ отношеніи прежде всего необходимо отмѣтить, что ему приходилось бороться съ рутиною и косностью старшихъ начальниковъ арміи, которые, не понимая или не желая понять всей пользы проводимыхъ реформъ, не только не оказывали поддержки Военному Министру, но, наоборотъ, старались всячески дискредитировать его въ глазахъ Государя и арміи.

Не взирая, однако, на все это, Милютину, при сочув-

---

[1]) Даниловъ, ор. с., стр. 475.

ствіи и поддержкѣ Государя, мало-по-малу удалось провести въ жизнь всѣ намѣченныя имъ реформы.

Всѣ главнѣйшія мѣропріятія Милютина можно сгруппировать въ слѣдующія рубрики:

1) Преобразованія въ сферѣ центральнаго военнаго управленія.

2) Преобразованія мѣстнаго военнаго управленія.

3) Преобразованія въ строевомъ управленіи войскъ.

4) Преобразованія въ полевомъ управлечіи арміей въ военное время.

5) Преобразованія генеральнаго штаба.

6) Преобразованія въ комплектованіи арміи нижними чинами.

7) Преобразованія въ комплектованіи арміи офицерами.

8) Преобразованія въ вооруженіи арміи.

9) Преобразованія, направленныя къ усиленію боевой подготовки войскъ.

10) Преобразованія, клонящіяся къ улучшенію быта арміи во всѣхъ отношеніяхъ.

Преобразованія въ сферѣ центральнаго управленія основывались на той идеѣ, чтобы на него возложить только общее направленіе и главный контроль дѣйствій всѣхъ исполнительныхъ административныхъ органовъ, въ цѣпи которыхъ первое мѣсто должны были занимать военно-окружныя управленія. Эти преобразованія сводились:

а) Къ упраздненію Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества и къ образованію Главнаго Штаба, въ которомъ были слиты Главное Управленіе генеральнаго штаба и инспекторскій департаментъ, чѣмъ достигалось уничтоженіе вызывавшаго на практикѣ большое неудобство обособленія въ центральномъ управленіи частей генеральнаго штаба и инспекторской.

б) Къ образованію Главнаго Артиллерійскаго и Инженернаго Управленій, которыя соединили въ себѣ нераздѣльное завѣдываніе всѣми отраслями артиллерійскаго и инженернаго дѣла по принадлежности, чѣмъ достигалось полное единство въ управленіи этими частями.

в) Къ образованію Главнаго Интендантскаго Управленія, на обязанности котораго лежало только общее направленіе и главный контроль дѣятельности окружныхъ интендантовъ.

г) Къ переустройству санитарной части, сказавшемуся сначала въ изъятіи госпиталей изъ вѣдѣнія интендантства

и въ образованіи при Военномъ Совѣтѣ Главнаго Военно-госпитальнаго Комитета, на который возложено было общее попеченіе по устройству и благосостоянію военно-врачебныхъ заведеній, а равно обсужденіе и разрѣшеніе вопросовъ, касавшихся вообще санитарной части въ арміи, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, а затѣмъ въ образованіи Главнаго Военно-медицинскаго Управленія.

д) Къ образованію Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, чѣмъ достигалось введеніе вѣдомства военно-учебныхъ заведеній въ составъ Военнаго Министерства и объединеніе первыхъ съ юнкерскими училищами, что давало возможность установить единство направленія и системы въ заведеніяхъ, подготовляющихъ офицеровъ, и притомъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Военнаго Министра.

е) Къ образованію Главнаго Военно-суднаго Управленія и учрежденію Главнаго Военнаго Суда и при немъ Главнаго военнаго прокурора съ Товарищами, что вызывалось введеніемъ новаго военно-судебнаго устава, устанавливающаго для военно-служащихъ гласный судъ и устное судопроизводство. Указанныя мѣропріятія, въ связи съ образованіемъ военно-окружныхъ судовъ съ прокурорами и ихъ помощниками, вызвали необходимость въ офицерахъ, обладающихъ спеціальнымъ военно-юридическимъ образованіемъ.

Въ виду этого была образована Военно-Юридическая Академія, воспитанниками которой только и рѣшено было замѣщать всѣ военно-судебныя должности.

ж) Къ образованію Главнаго Управленія иррегулярныхъ войскъ.

Кромѣ этихъ главныхъ частей центральнаго военнаго управленія, былъ образованъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ органовъ, на которые возлагалась или разработка какихъ либо однородныхъ вопросовъ въ сферѣ дѣятельности одного изъ Главныхъ Управленій или руководство дѣятельностью по извѣстной отрасли во всемъ военномъ вѣдомствѣ вообще. Такими вспомогательными органами были комитеты: техническій—при Главномъ Интендантскомъ Управленіи, педагогическій комитетъ при Главномъ Управленіи иррегулярныхъ войскъ, артиллерійскій и инженерный, главный военно-госпитальный, главный военно-тюремный, главный военно-учебный, главный комитетъ по устройству и образованію войскъ, главный военно-коди-

фикаціонный комитетъ для подготовки данныхъ къ мобилизаціи войскъ.

Кромѣ того, были учреждены должности: генералъ-инспектора кавалеріи съ особымъ управленіемъ, на которое были возложены и заботы по ремонтированію конницы, и инспектора стрѣлковой части въ войскахъ.

Всѣ указанныя преобразованія на началахъ, намѣченныхъ Милютинымъ, были закончены вполнѣ въ началѣ 1869 года и были объединены въ изданномъ въ этомъ году Положеніи о Военномъ Министерствѣ.

Это положеніе было настолько полно, обстоятельно разработано и настолько соотвѣтствовало кругу дѣятельности центральнаго управленія, что въ послѣдующіе годы царствованія Императора Александра II не требовалось производить въ немъ никакихъ существенныхъ измѣненій.

Дабы правильно работало центральное управленіе Военнаго Министерства, въ организацію котораго нынѣ былъ положенъ принципъ децентрализаціи, а съ другой стороны въ виду фактической невозможности, по заявленію графа Милютина, имѣть надзоръ Министерства, по всѣмъ отраслямъ сложнаго управленія, изъ Петербурга, представлялось необходимымъ ввести у насъ территоріальную систему.

Эта система должна была заключаться въ томъ, чтобы равномѣрно распредѣлить надзоръ мѣстныхъ властей по всей Имперіи и во всѣхъ отрасляхъ управленія, установивъ въ то же время такія отношенія между ними и Министерствомъ, чтобы послѣднее, не входя въ подробности, могло бы давать только общее направленіе работѣ мѣстныхъ органовъ и слѣдить за общимъ ходомъ ихъ распоряженій.

Чтобы достигнуть этого, необходимо было всю территорію Россіи раздѣлить на военные округа и въ каждомъ изъ нихъ образовать военно-окружное управленіе, которое являлось бы такимъ же всестороннимъ органомъ по завѣдыванію военною частью, какимъ служило Военное Министерство для всей Имперіи.

Въ 1862 году начали у насъ образовываться военные округа и въ 1865 году уже всѣ сухопутныя войска были распредѣлены между 14-ю округами, на которые подраздѣлена была вся территорія Россіи.

Организація военно-окружныхъ управленій также

создавалась постепенно, причемъ эта постепенность шла по двумъ направленіямъ: во 1-хъ, въ созданіи новыхъ окружныхъ управленій, а во 2-хъ,—въ полнотѣ организаціи каждаго изъ нихъ.

Для подготовительныхъ работъ по организаціи военно-окружныхъ управленій при Военномъ Министерствѣ было образовано нѣсколько спеціальныхъ комиссій, разработавшихъ частныя положенія, каждая по своей спеціальности.

Затѣмъ всѣ частныя работы этихъ комиссій поступили въ общую редакціонную комиссію по составленію положеній о военно-окружныхъ управленіяхъ, непосредственное руководство которой Милютинъ принялъ на себя лично.

Въ результатѣ къ августу 1864 года военно-окружныя управленія сформировались на указанныхъ выше основаніяхъ полностью, причемъ во главѣ каждаго военнаго округа былъ поставленъ командующій войсками округа, которому подчинены были всѣ войска и военныя учрежденія послѣдняго; управленіе же каждаго военнаго округа было составлено изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) военно-окружного совѣта,

2) окружного штаба,

3) окружныхъ управленій: интендантскаго, артиллерійскаго, инженернаго, военно-медицинскаго и окружного инспектора госпиталей.

Не останавливаясь на подробностяхъ организаціи окружныхъ военныхъ управленій, круга ихъ обязанностей и взаимныхъ ихъ соотношеній, необходимо сказать, что введеніе военно-окружной территоріальной системы, ослабивъ сковывающую централизацію, дало возможность упорядочить и улучшить многія частныя отрасли военнаго управленія.

Эти улучшенія обновили военный строй Россіи, они сдѣлали его болѣе способнымъ къ цѣлесообразному использованію въ спеціальныхъ цѣляхъ всѣхъ средствъ государства. Наряду съ этимъ, военно-окружная система, проводя въ дѣлѣ военнаго управленія идею децентрализаціи, съ одной стороны потребовала имѣть на мѣстахъ соотвѣтственно подготовленныхъ къ самостоятельной дѣятельности лицъ, а съ другой стороны давала возможность наиболѣе способнымъ и знающимъ изъ этихъ лицъ выдвигаться своей дѣятельностью, образуя кадры, которые могли слу-

жить правительству источникомъ для назначенія на высшія государственныя должности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отмѣтить, что постепенное введеніе военно-окружной системы потребовало отъ Милютина, кромѣ знаній и организаторскаго таланта, еще и огромной работы.

Эта работа была тѣмъ болѣе тяжела, что значительную часть труда и энергіи Дмитрію Алексѣевичу приходилось употреблять на борьбу съ могущественными сторонниками старой системы, на преодолѣніе всевозможныхъ треній.

Говоря о реформахъ Милютина въ центральномъ управленіи Военнымъ вѣдомствомъ и о введенной имъ военно-окружной системѣ, нельзя не упомянуть объ одной характерной чертѣ Дмитрія Алексѣевича, которая подчеркиваетъ одно изъ основныхъ его положеній—необходимость имѣть вездѣ соотвѣтственно подготовленныхъ во всѣхъ отношеніяхъ исполнителей, такъ какъ только при этомъ условіи являлась возможность провести въ жизнь возможно полнѣе принципъ децентрализаціи, имѣя на мѣстахъ исполнителей высокой нравственности, достаточно самостоятельныхъ и обладающихъ въ нужномъ размѣрѣ иниціативой.

Учрежденіе военныхъ округовъ, въ связи съ упраздненіемъ штабовъ арміи и корпусовъ, значительно уменьшило штаты военно-административнаго состава, давая тѣмъ самымъ возможность уменьшить военную смѣту.

Но Милютинъ по этому поводу говорилъ: «Сокращенія эти, не составляя цѣли предстоящаго преобразованія, должны служить только средствомъ для поднятія нравственнаго уровня чиновъ административныхъ учрежденій».—«Не подлежитъ сомнѣнію, говорилъ Милютинъ, что если эти сбереженія будутъ обращены на полное обезпеченіе служащихъ, то правительство выиграетъ сторицей отъ гораздо болѣе значительнаго сокращенія расходовъ по хозяйственнымъ операціямъ министерства» [1]).

Чтобы въ принципѣ вѣрная идея децентрализаціи въ дѣлѣ военнаго управленія дала на практикѣ наилучшіе и наиболѣе полные результаты, необходимо было эту идею примѣнить и къ строевому управленію войскъ, гдѣ недо-

---

[1]) Даниловъ, ор. с., стр. 499.

статокъ почина у частныхъ начальниковъ, въ особенности въ военное время, какъ показывала исторія, приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Это обстоятельство, въ связи съ недостатками организаціи высшихъ инстанцій строевого управленія войскъ и злоупотребленіями въ хозяйствѣ отдѣльныхъ частей войскъ, вызывало необходимость реорганизаціи строевыхъ управленій войскъ на новыхъ началахъ.

Ко времени вступленія Милютина въ должность Военнаго Министра войска наши еще въ мирное время были соединены въ дивизіи, корпуса и арміи.

Учрежденіе военныхъ округовъ само собою уничтожало подраздѣленіе войскъ въ мирное время на арміи.

То соображеніе, что «опытъ нѣсколькихъ послѣднихъ войнъ указываетъ, что наши корпуса представляли слишкомъ крупныя тактическія единицы для постояннаго употребленія на театрѣ войны въ цѣломъ ихъ составѣ», и что «въ войну 1853—56 годовъ ни одинъ корпусъ дѣйствительно не оставался въ полномъ своемъ составѣ», заставило Милютина поставить на очередь вопросъ объ уничтоженіи въ мирное время корпусовъ.

Указанныя соображенія показывали возможность этой реформы безъ вреда для дѣла; цѣлью же ея ставилось: во 1-хъ, освобожденіе нѣкотораго количества денежныхъ средствъ, что способствовало-бы болѣе скорому проведенію въ жизнь безотлагательно необходимой военно-окружной реформы, и во 2-хъ, предоставленіе возможности начальникамъ дивизій, становящимся въ болѣе самостоятельное положеніе, легче обнаружить свои способности, чѣмъ, съ одной стороны, до извѣстной степени гарантировался хорошій подборъ начальниковъ на этихъ должностяхъ, а съ другой стороны,— обезпечивался выборъ соотвѣтствующихъ лицъ для начальствованія надъ болѣе крупными, чѣмъ дивизіи, тактическими соединеніями въ военное время.

Противъ упраздненія корпусовъ въ арміи раздавалось очень много голосовъ; однако, мнѣніе Милютина восторжествовало: корпусныя управленія были постепенно упразднены и высшей тактической единицей въ пѣхотѣ и кавалеріи остались дивизіи.

Однако, въ скоромъ времени войны 1866 и 1870—71 годовъ показали, что не только корпуса, но даже арміи цѣликомъ принимаютъ участіе на поляхъ сраженій.

При такихъ условіяхъ, очевидно, необходимо было еще въ мирное время обученіе войскъ и управленіе ими поставить въ такія условія, чтобы и то и другое велось соотвѣтственно употребленія войскъ на войнѣ и чтобы начальствующія лица получали практику въ управленіи такими именно тактическими единицами, во главѣ которыхъ имъ придется стоять въ военное время.

Въ виду этого въ 1873 году въ особомъ совѣщаніи, подъ личнымъ руководствомъ Императора Александра II, было рѣшено вновь образовать корпуса, соединивъ въ нихъ всѣ три рода войскъ.

Образованіе корпусовъ, какъ требующее новыхъ крупныхъ расходовъ и измѣненія дислокаціи, вызывавшее значительное передвиженіе войскъ, было произведено постепенно.

Война 1877—78 гг. ускорила эту постепенность и въ 1879 году почти всѣ пѣхотныя (за исключеніемъ 4-хъ) и кавалерійскія (кромѣ одной) дивизіи были сведены въ 19 армейскихъ корпусовъ. Стрѣлковыя и саперныя части въ составъ корпусовъ не вошли.

Въ цѣляхъ приданія большей связи и единства совокупному обученію всѣхъ родовъ войскъ корпусный командиръ, по положенію объ управленіи корпусомъ, въ своихъ рукахъ сосредоточивалъ всю учебную и командную часть въ войскахъ корпуса.

Въ хозяйственномъ отношеніи командиру корпуса были предоставлены лишь функціи наблюдательныя и обязанность доносить главному начальнику округа объ упущеніяхъ въ своевременномъ (и въ опредѣленномъ количествѣ и качествѣ) полученіи всѣхъ видовъ довольствія.

Въ организаціи управленія дивизіей въ это время необходимо отмѣтить, что часть генеральнаго штаба была слита со строевою.

Кромѣ того, было установлено, что артиллерійскія бригады въ военное время подчиняются начальникамъ пѣхотныхъ дивизій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено возстановить упраздненное послѣ войны 1855—56 гг. раздѣленіе пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій на бригады, что вызывалось необходимостью поставить въ болѣе благопріятныя условія дѣло управленія войсками на войнѣ.

На обязанность бригаднаго командира было возложено начальствованіе бригадою въ строевомъ и командномъ отно-

шеніи, завѣдываніе обученіемъ войскъ по всѣмъ отраслямъ воинскаго образованія и полная отвѣтственность за успѣшный ходъ его, а также за сохраненіе въ войскахъ внутренняго порядка и дисциплины.

По хозяйственной части власть и обязанности командира бригады были ограничены общимъ надзоромъ за исполненіемъ въ частяхъ бригады распоряженій начальства.

Къ 1862 году полковое хозяйство у насъ велось такимъ образомъ, что командиръ полка былъ полнымъ распорядителемъ по хозяйственной части, а расходованіе суммъ и употребленіе остатковъ отъ нихъ зависѣли отъ личнаго его усмотрѣнія.

Такой способъ веденія хозяйства имѣлъ несомнѣнно весьма существенные недостатки, которые, съ одной стороны, не всегда соотвѣтствовали нуждамъ и интересамъ полка, какъ цѣлаго учрежденія, и отдѣльныхъ чиновъ его, въ особенности нижнихъ чиновъ, а съ другой стороны, вызывая жалобы послѣднихъ, подрывали авторитетъ командира полка въ ущербъ соблюденію дисциплины и, такимъ образомъ, не отвѣчали тому положенію, какое необходимо было для командира полка.

Что касается веденія ротнаго хозяйства, то для него однообразныхъ постановленій не существовало и войска въ этомъ отношеніи руководствовались различными правилами, изданными въ разное время различными начальниками.

Такое положеніе вещей, конечно, не могло сохраниться при новыхъ стремленіяхъ Военнаго Министерства.

Однако, такъ какъ реформа въ веденіи полкового и ротнаго хозяйства была тѣсно связана съ измѣненіемъ порядка снабженія войскъ предметами интендантскаго довольствія, а также въ виду того, что дѣло касалось весьма деликатнаго вопроса и затрагивало прочно укоренившіеся обычаи и весь внутренній складъ жизни войсковыхъ частей, а въ большей его части и личные интересы, то для наибольшаго обезпеченія успѣха новыхъ мѣръ въ этомъ направленіи указанную реформу рѣшено было провести безъ рѣзкихъ измѣненій сразу, а постепенно, переходя отъ одной временной мѣры къ другой, по тщательномъ испытаніи различныхъ системъ хозяйства.

Главнѣйшимъ достоинствомъ новаго положенія объ управленіи хозяйствомъ въ частяхъ войскъ была гласность всѣхъ хозяйственныхъ операцій, съ одной стороны, снимав-

шая съ командира полка тѣнь подозрѣнія въ хищеніи или въ назаконномъ пользованіи казеннымъ имуществомъ, а съ другой стороны, — въ полной мѣрѣ обезпечивавшая хозяйственные интересы части и личные интересы нижнихъ чиновъ съ точки зрѣнія снабженія ихъ всѣми видами довольствія.

Все это давало возможность въ значительной мѣрѣ улучшить бытъ и положеніе нижнихъ чиновъ съ матеріальной стороны, способствуя въ то же время поднятію въ нихъ и нравственной стороны.

Съ учрежденіемъ военныхъ округовъ и съ уничтоженіемъ корпусовъ въ мирное время было положено, что послѣдніе будутъ формироваться только въ военное время или въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда встрѣтится надобность въ соединеніи войскъ для какихъ-либо отдѣльныхъ назначеній и при томъ не постояннаго какого либо состава, а той силы, которая по обстоятельствамъ окажется нужной.

Вслѣдствіе этого являлось необходимымъ составить правила для управленія войсками въ составѣ армій, корпусовъ и отрядовъ во время войны.

Такимъ образомъ, назрѣлъ вопросъ объ изданіи «Положенія о полевомъ управленіи войскъ».

Отличіе этого «Положенія» отъ подобныхъ предшествующихъ, въ зависимости отъ реорганизаціи военнаго управленія, должно было заключаться: во 1-хъ, въ отсутствіи въ немъ какихъ-либо указаній относительно управленія въ мирное время, такъ какъ для этой цѣли были изданы особыя положенія, и во 2-хъ, въ установленіи впервые правилъ о взаимныхъ отношеніяхъ вновь созданныхъ мѣстныхъ управленій съ полевыми управленіями военнаго времени.

Работы, начатыя по составленію «Положенія о полевомъ управленіи арміи» въ 1863 году, были закончены лишь въ 1868 году.

Такая медленность разработки «Положенія», названнаго «Положеніемъ 1868 года», объясняется той особенной осторожностью, которую Милютинъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ. Эта осторожность, которою въ извѣстной степени отличались всѣ реформы Милютина, сказалась въ томъ, что

«Положеніе 1868 года» прежде своего утвержденія прошло черезъ двѣ комиссіи, три раза посылалось на разсмотрѣніе разнымъ лицамъ, вносилось въ Кодификаціонный Комитетъ и въ Военный Совѣтъ и дважды повергалось на Высочайшее благовоззрѣніе,—другими словами, до своего утвержденія прошло черезъ девять стадій.

Такая осторожность Милютина въ данномъ вопросѣ объясняется тѣмъ, что при составленіи «Положенія» надо было использовать боевой опытъ послѣдняго времени не только нашъ, но и иностранный; необходимо было примѣнить «Положеніе» къ новому строю всего военнаго управленія, который только-что проводился въ жизнь и самъ еще не былъ испытанъ въ полной и достаточной мѣрѣ; нужно было также считаться съ постепенно возраставшей численностью армій и съ вновь народившимся могучимъ факторомъ въ военномъ дѣлѣ, а именно: желѣзными дорогами, значеніе которыхъ уже рельефно сказалось въ войнахъ 1859 и 1866 годовъ.

Отличительными чертами «Положенія 1868 года» являлось: во 1-хъ, образованіе войсками, предназначенными на театрѣ войны, одной или нѣсколькихъ армій, изъ которыхъ каждая состояла изъ нѣсколькихъ корпусовъ; во 2-хъ, предоставленіе Главнокомандующему власти распоряжаться въ направленіи военныхъ дѣйствій по своему непосредственному усмотрѣнію, руководясь Высочайше утвержденнымъ общимъ планомъ войны; въ 3-хъ, возложеніе на лицо, вѣдавшее службой генеральнаго штаба (помощника начальника штаба), еще обязанностей по дѣламъ инспекторской и хозяйственной частей; въ 4-хъ, избавленіе полевого управленія отъ мелочныхъ работъ по исполнительной части въ хозяйственномъ отношеніи, что давало возможность полевыя управленія обратить въ небольшіе походные штабы, которые во всѣхъ предшествующихъ войнахъ сопровождали Главнокомандующихъ въ то время, какъ многолюдные главные штабы оставались гдѣ-нибудь въ тылу, приводя въ исполненіе распоряженія, исходившія изъ походныхъ штабовъ; въ 5-хъ, установленіе обязанности полевыхъ управленій доставлять Военному Министерству подробные отчеты по тѣмъ исполнительнымъ хозяйственнымъ операціямъ, которыя на нихъ возлагались.

Въ общемъ, «Положеніе 1868 года» устанавливало вполнѣ опредѣленныя отношенія между полевымъ управленіемъ

арміи и Военнымъ Министерствомъ, причемъ характеръ этихъ отношеній, съ одной стороны, указывалъ обязанности Военнаго Министерства въ вопросѣ снабженія арміи, дѣйствовавшей на театрѣ войны, а съ другой стороны,—приводилъ къ нѣкоторому умаленію значенія и власти Главнокомандующаго арміей.

«Положеніе 1868 года» вызвало рѣзкую критику фельдмаршала князя Барятинскаго. Однако, по представленіи Милютинымъ объясненій по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ княземъ Барятинскимъ, Императоръ Александръ II согласился со взглядами Военнаго Министра и «Положеніе 1868 года» измѣнено не было.

Однако, опытъ Франко-Германской войны 1870—71 годовъ заставилъ пересмотрѣть это «Положеніе» прежде, чѣмъ оно получило боевое испытаніе. Къ такому пересмотру было приступлено въ 1873 году въ особой комиссіи, которая закончила свои работы въ 1876 году. Въ концѣ этого года новое «Положеніе» было Высочайше утверждено и объявлено.

По сравненію съ прежнимъ, въ новомъ «Положеніи 1868 года» замѣчается слѣдующее:

1) Было расширено и получило большее значеніе управленіе военными сообщеніями.

2) При арміи долженъ былъ состоять цѣлый рядъ не военныхъ органовъ (полевые главные казначей и контролеръ, главноуполномоченный Краснаго Креста и завѣдывающій гражданскими дѣлами), которые хотя и не входили въ составъ собственно Полевого управленія, но непосредственно подчинялись Главнокомандующему.

3) У Главнокомандующаго оказалось въ непосредственномъ подчиненіи очень много лицъ (одиннадцать).

Въ общемъ нужно сказать, что «Полевое управленіе арміи 1868 года», а также и вытекающее изъ него «Положеніе 1876 года» представляли собою большія преимущества, по сравненію съ предшествующимъ (Уставъ 1846 года), главнымъ образомъ по большей логичности и точности распредѣленія обязанностей между составными его частями, по упраздненію на военное время коллегіальныхъ учрежденій и пр.

Наконецъ, оба эти «Милютинскія Положенія» вполнѣ отвѣчали требованіямъ тогдашней обстановки и поня-

тіямъ того времени о способахъ веденія войны въ современныхъ условіяхъ.

Подводя общій итогъ реформамъ Милютина въ дѣлѣ военнаго управленія, реформамъ, вполнѣ оригинальнымъ и согласованнымъ съ бытовыми условіями и требованіями русской арміи, приходится лишь повторить тѣ главнѣйшіе принципы, которые были положены въ основу этихъ реформъ:

Во 1-хъ, установленіе единства военнаго управленія путемъ включенія въ составъ Министерства тѣхъ учрежденій, которыя ранѣе находились только въ связи съ нимъ въ порядкѣ высшаго управленія.

Во 2-хъ, сосредоточеніе въ Военномъ Министерствѣ лишь общаго направленія и высшаго контроля за дѣятельностью всѣхъ административныхъ органовъ.

Въ 3-хъ, возложеніе всей распорядительной части на мѣстные органы, и

въ 4-хъ, пробужденіе самодѣятельности въ низшихъ инстанціяхъ.

Правильность этихъ принциповъ, соотвѣтствіе ихъ съ современными требованіями и жизненность реформъ, основанныхъ на нихъ и установившихъ у насъ новую военную систему, придавшую военному управленію быстроту и энергію и обезпечившую арміи возможность ея дальнѣйшаго совершенствованія на многіе годы, доказываются тѣмъ, что когда много лѣтъ спустя Императоръ Александръ III тотчасъ послѣ своего вступленія на престолъ пожелалъ имѣть справедливую оцѣнку существовавшей системы военнаго управленія и поручилъ эту работу особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Коцебу, то комиссія эта, составленная изъ наиболѣе свѣдущихъ и опытныхъ людей нашей арміи, огромнымъ большинствомъ высказалась за сохраненіе системы, созданной Милютинымъ.

Несомнѣнно, что практика примѣненія Милютинской системы должна была обнаружить кое-какіе недостатки реформы, упущенные изъ вида первоначально, но съ другой стороны, несомнѣнно также, что эти недостатки требовали лишь частныхъ усовершенствованій и не вызывали вовсе коренныхъ преобразованій въ системѣ центральнаго, мѣстнаго и строевого управленій.

Вотъ, почему генералъ Ванновскій, смѣнившій графа Милютина на посту Военнаго Министра, призналъ возможнымъ испросить Высочайшее соизволеніе сохранить въ неприкосновенности существовавшую систему военнаго управленія и ограничиться лишь тѣми частными преобразованіями, на которыя настоятельно указывали измѣнившаяся обстановка и требованія все двигавшейся впередъ жизни.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ XIX столѣтія вслѣдствіе дѣйствія въ это время штата генеральнаго штаба 1832 г. положеніе нашего генеральнаго штаба было крайне печально и это прежде всего потому, что служба въ генеральномъ штабѣ не представляла преимуществъ, соотвѣтственныхъ трудамъ: для большей части офицеровъ мѣсто корпусного оберъ-квартирмейстера, начальника какой-либо съемки или межеванія было крайнимъ предѣломъ всѣхъ мечтаній. Чаще всего имъ приходилось довольствоваться должностью дивизіоннаго квартирмейстера (собственно оберъ-офицерская должность, на которой постепенно допускались сперва подполковники, а потомъ и полковники); выходъ въ строй былъ до крайности затрудненъ; содержаніе было весьма незначительно; наконецъ, офицеры генеральнаго штаба, находившіеся при войскахъ, отстранены были отъ всякаго дѣлопроизводства и совершенно незнакомы съ хозяйственной и строевой частями, что не давало имъ никакой подготовки къ занятію высшихъ должностей.

Такое положеніе генеральнаго штаба привело къ тому, что желающихъ служить въ немъ являлось все меньше и меньше. Несомнѣнно требовалось измѣнить это положеніе.

Первымъ шагомъ на этомъ пути было учрежденіе въ 1856 году должности начальниковъ штабовъ дивизій, у которыхъ сосредоточивались всѣ отрасли дивизіоннаго управленія.

Это въ высшей степени благопріятно отразилось на практикѣ управленія войсками, такъ какъ способствовало объединенію дѣятельности частей штаба и дало начальникамъ дивизій болѣе просвѣщенныхъ докладчиковъ и исполнителей ихъ предначертаній.

Съ другой стороны, эта мѣра, сдѣлавъ брешь въ штатѣ генеральнаго штаба 1832 года и указавъ возможность бо-

лѣе обширной и разнообразной дѣятельности для офицеровъ генеральнаго штаба, въ значительной степени улучшила положеніе всего генеральнаго штаба.

Учрежденіе должности начальника штаба дивизіи, а также увеличеніе численности нашей арміи выдвинули на очередь вопросъ о новомъ штатѣ генеральнаго штаба.

Проектъ такого штата и былъ составленъ въ 1858 году генералъ-квартирмейстеромъ барономъ Ливеномъ.

Проектъ этотъ, разосланный на заключеніе высшимъ начальникамъ и въ Военную Академію, не встрѣтилъ общаго сочувствія. Къ нему были предложены различнаго рода поправки. Завязавшійся по этому поводу обмѣнъ мнѣній затянулся до 1860 г., когда вопросъ о генеральномъ штабѣ былъ переданъ Военнымъ Министромъ, генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ, своему Товарищу, генералъ-адъютанту Милютину, который вскорѣ послѣ того сталъ во главѣ Военнаго Министерства. Съ этихъ поръ дальнѣйшія колебанія по вопросу о генеральномъ штабѣ прекратились.

Въ своемъ докладѣ по этому поводу Милютинъ писалъ: «Въ настоящее время по сему предмету (о значеніи генеральнаго штаба) готовится докладъ собственно о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять нынѣ же относительно распредѣленія и правъ офицеровъ, окончившихъ курсъ въ Николаевской Академіи генеральнаго штаба; но впослѣдствіи имѣется въ виду подробное развитіе указаній Вашего Императорскаго Величества касательно организаціи генеральнаго штаба на подобіе французскаго, съ тѣмъ, чтобы вѣдомство это, не составляя слишкомъ спеціальнаго установленія, обняло бы собою всѣ вообще отрасли штабной службы».

Для этого представлялось необходимымъ устранить рѣзкое раздѣленіе частей, квартирмейстерской и дежурства.

Учрежденіе должности начальника штаба дивизіи дало возможность сдѣлать это въ дивизіи. Въ дальнѣйшемъ при разработкѣ положеній въ военныхъ округахъ удалось слить эти части въ окружныхъ штабахъ, гдѣ вмѣсто дежурнаго штабъ-офицера и оберъ-квартирмейстера положено было имѣть общаго обѣимъ частямъ помощника начальника штаба изъ генераловъ генеральнаго штаба.

Наконецъ, сліяніе обѣихъ частей послѣдовало и въ центральномъ управленіи, гдѣ, какъ указано было выше, въ

1865 году были соединены вмѣстѣ Главное Управленіе генеральнаго штаба и инспекторскій департаментъ подъ общимъ названіемъ главнаго штаба.

Вмѣстѣ съ тѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба и вообще всѣмъ, окончившимъ академическій курсъ, дозволено было занимать штатныя должности по дежурствамъ, управленіямъ и департаментамъ Военнаго Министерства.

Затѣмъ, офицерамъ генеральнаго штаба разрѣшалось быть назначенными на должности не генеральнаго штаба; былъ установленъ порядокъ опредѣленія офицеровъ на младшія должности генеральнаго штаба при войскахъ, а равно установленъ порядокъ занесенія въ кандидатскіе списки на высшія должности.

Въ концѣ концовъ въ 1865 году было издано основное положеніе для генеральнаго штаба, сущность котораго сводилась къ слѣдующему: генеральный штабъ опредѣленнаго штата не имѣетъ; въ спискахъ его состоятъ: а) всѣ, занимающіе мѣста, на которыхъ опредѣлено имѣть офицеровъ этого корпуса, и б) обширная категорія лицъ, изъ которыхъ для однихъ это только почетное отличіе, а для другихъ—служебное положеніе. Къ этой категоріи относятся лица, сохраняющія право носить мундиръ генеральнаго штаба, оставаясь въ спискахъ этого корпуса при нахожденіи въ нештатныхъ должностяхъ по Военному Министерству, по военнымъ и юнкерскимъ училищамъ, по военно-народному управленію на Кавказѣ, а также—военными агентами и профессорами военныхъ академій.

Кромѣ того, было разрѣшено: а) числиться въ генеральномъ штабѣ и носить мундиръ его генераламъ, назначаемымъ на должности начальниковъ дивизій и выше, если они назначаются изъ генеральнаго штаба, а также на должности начальниковъ окружныхъ штабовъ, хотя бы они и не служили раньше въ генеральномъ штабѣ; б) числиться въ генеральномъ штабѣ флигель-адъютантамъ, адъютантамъ Особъ Императорской Фамиліи, Военному Министру и нѣкоторымъ другимъ высшимъ должностнымъ лицамъ, если они раньше служили въ генеральномъ штабѣ.

Тогда же было принято, чтобы офицеры генеральнаго штаба по возможности проходили черезъ командованіе отдѣльными частями и чтобы до зачисленія въ кандидаты на должность командира полка обязательно командовали

ротами и баталіонами въ пѣхотѣ или эскадронами и дивизіонами въ теченіе одного года.

Создавшееся вслѣдствіе этого положеніе генеральнаго штаба дало возможность офицерамъ его отъ своей спеціальной службы перейти къ самой разнообразной дѣятельности чуть ли не на всѣхъ поприщахъ и во всѣхъ вѣдомствахъ, вслѣдствіе чего генеральный штабъ явился какъ бы разсадникомъ и школой, подготовляющей лицъ, ее прошедшихъ, къ какимъ угодно должностямъ какъ въ самомъ военномъ вѣдомствѣ, такъ и далеко за предѣлами его.

Такимъ образомъ, Милютинъ, сознавая все высокое значеніе генеральнаго штаба, вывелъ его изъ прежняго приниженнаго состоянія, далъ ему выходъ изъ замкнутаго его положенія, открылъ ему широкое поприще для дѣятельности, далеко выходившей за предѣлы его спеціальности, и высоко поднялъ его значеніе не только въ арміи, но и въ государствѣ вообще.

Созданіе генеральному штабу такого положенія не было прихотью со стороны Милютина; это не являлось также слѣдствіемъ его пристрастія къ учрежденію, которое способствовало выходу его на широкую дорогу и занятію имъ виднаго служебнаго поста. Такое возвеличеніе генеральнаго штаба вытекало изъ общаго убѣжденія Милютина въ необходимости имѣть для пользы дѣла на наиболѣе значительныхъ должностяхъ въ арміи людей знающихъ, образованныхъ и просвѣщенныхъ; въ зависимости отъ этого онъ стремился выдвигать такихъ людей, всевозможными мѣрами привлекать ихъ, вознаграждать ихъ за тѣ труды, которые они понесли для полученія высшаго военнаго образованія.

Однако, созданное Милютинымъ высокое положеніе генеральнаго штаба обязывало, чтобы офицеры его своей подготовкой вполнѣ отвѣчали тѣмъ исключительнымъ требованіямъ, которыя отнынѣ стали предъявляться имъ какъ разнообразными обязанностями различныхъ возможныхъ для нихъ должностей, такъ ихъ начальниками и даже, наконецъ, обществомъ. Это же ставило на очередь вопросъ о соотвѣтствующей постановкѣ учебнаго дѣла въ Николаевской Академіи генеральнаго штаба, окончаніе которой открывало доступъ къ службѣ въ генеральномъ штабѣ.

Въ основаніе постановки учебнаго дѣла въ Академіи генеральнаго штаба, по мысли Милютина, легла та идея,

что прямымъ назначеніемъ этой Академіи должно быть приготовленіе офицеровъ къ службѣ въ генеральномъ штабѣ. Затѣмъ, уже второй цѣлью Академіи должно быть, согласно первоначальному уставу ея, распространеніе военныхъ познаній въ арміи, но цѣль эта должна достигаться не столько постановкой предметовъ преподаванія въ Академіи, сколько научными трудами ея профессоровъ, какъ лицъ ученаго міра.

Въ зависимости отъ этого въ особомъ совѣщаніи, руководимомъ самимъ Милютинымъ, и при участіи всей конференціи Академіи, были выработаны условія, какимъ должны соотвѣтствовать академическіе курсы, и даны по каждому предмету преподаванія указанія, которыя и должны были послужить впослѣдствіи основаніемъ для академической конференціи при новой постановкѣ курсовъ и учебныхъ занятій; при этомъ указывалось, что особое вниманіе должно быть обращено на практическія занятія въ соотвѣтствіи съ будущею службою питомцевъ Академіи; что все преподаваніе въ Академіи должно быть направлено къ тому, чтобы обучающіеся не только здраво судили о военномъ дѣлѣ, но умѣли и хорошо исполнять свои обязанности; что долженъ быть устраненъ недостатокъ, замѣченный въ офицерахъ, выпускаемыхъ изъ Академіи, а именно: малое знакомство ихъ съ внутреннимъ управленіемъ войскъ и штабнымъ дѣлопроизводствомъ.

Мысли, высказанныя указаннымъ совѣщаніемъ, и требованія, выдвинутыя имъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Милютина, и изложенныя въ видѣ «соображеній по пересмотру курсовъ и учебныхъ занятій въ Николаевской Академіи генеральнаго штаба, вызванныя измѣненіемъ общаго значенія корпуса генеральнаго штаба», были Высочайше утверждены въ 1865 году и были руководящими на многіе годы.

Въ развитіе этихъ «соображеній» въ 1869 году въ Академіи былъ учрежденъ «дополнительный курсъ» для самостоятельныхъ научно-практическихъ занятій обучающихся офицеровъ.

Признательная Академія за все, что было сдѣлано ей Милютинымъ, какъ только въ 1872 году были установлены почетные члены Академіи, единогласно въ первомъ же засѣданіи конференціи постановила ходатайствовать о назначеніи его своимъ почетнымъ членомъ. Такое постановле-

ніе конференціи Академіи было мотивировано ею уваженіемъ какъ къ 12-лѣтнему профессорству Милютина, такъ и къ тѣмъ его указаніямъ, благодаря которымъ постановка учебной части въ Академіи получила новое направленіе. Наконецъ, такое постановленіе мотивировалось уваженіемъ къ высокимъ качествамъ военно-статистическихъ и военно-историческихъ трудовъ Милютина, которые имѣютъ также большую связь со спеціальнымъ назначеніемъ Академіи.

Одной изъ основъ всякой раціональной военной системы Милютинъ считалъ содержаніе въ мирное время возможно меньшей арміи при условіи развить ее возможно больше въ военное время.

Между тѣмъ, ко времени вступленія Милютина въ должность Военнаго Министра у насъ какъ разъ этого и не было.

Правда, по штатамъ мирнаго времени армія наша достигала 798.000 человѣкъ, въ военное же время должна была увеличиться вдвое, а именно: до 1.410.000. Но, какъ свидѣтельствовалъ Милютинъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 15-го января 1862 года,—это было только на бумагѣ, такъ какъ для пополненія кадровъ мирнаго времени до штатовъ военнаго времени у насъ былъ запасъ всего лишь въ 242.000 человѣкъ; недостающіе же 369.000 чел. должны были быть взяты отъ населенія неготовыми рекрутами. Пополненіе арміи такою массою рекрутъ, съ одной стороны, неминуемо приводило бы къ ослабленію боевой силы арміи, а съ другой стороны,—крайне тяжело отразилось бы на населеніи и вело бы къ экономическому подрыву государства.

Для устраненія этихъ неблагопріятныхъ условій Милютинъ предложилъ довести число безсрочныхъ и временныхъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ до той цифры, которая будетъ составлять разность между штатами мирнаго и военнаго времени.

Для достиженія этой цѣли Милютинъ остановился на томъ, чтобы нормальную цифру ежегоднаго контингента, получаемаго отъ рекрутскаго набора, опредѣлить въ такомъ размѣрѣ, который нѣсколько превышалъ бы среднюю цифру годичной убыли въ войскахъ. Тогда, насколько число взимаемыхъ рекрутъ превышало бы годичную убыль,

настолько можно было бы ежегодно увольнять старослужащихъ солдатъ во временные отпуски и такимъ образомъ постепенно накоплять запасъ обученныхъ людей.

Приведеніе въ исполненіе этой мѣры требовало нѣкотораго увеличенія ежегоднаго набора рекрутъ (одного на тысячу), но Милютинъ доказалъ, что это, будучи выгоднымъ для арміи, въ то же время не составитъ, по сравненію съ прежнимъ, тягости для населенія, такъ какъ взиманіе рекрутъ будетъ равномѣрнымъ и не потребуетъ во время войны экстренныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, приводившихъ къ набору 42—51 рекрутъ съ тысячи, какъ это было во время Восточной войны.

Къ тому же, Милютинъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ рядъ мѣръ, клонящихся вообще къ облегченію населенія въ дѣлѣ поставки имъ рекрутъ. Къ числу этихъ мѣръ онъ относилъ:

1) Привлеченіе къ отправленію рекрутской повинности по возможности наибольшаго числа лицъ, для чего необходимъ пересмотръ всѣхъ допущенныхъ рекрутскимъ уставомъ изъятій изъ нея.

2) Уменьшеніе требованія въ ростѣ людей, допуская при обыкновенныхъ наборахъ ту мѣру, которая разрѣшалась только при усиленныхъ и чрезвычайныхъ наборахъ, именно въ 2 арш. $3^1/_4$ вершка. Этимъ достигалось бы и болѣе равномѣрное комплектованіе, не представляя въ военное время такого количества малорослыхъ.

3) Распредѣленіе числа рекрутъ по возможности въ ближайшія войска къ мѣстамъ наборовъ [1]).

Съ другой стороны, для накопленія въ необходимомъ количествѣ запаса людей для пополненія до штатовъ военнаго времени Милютинъ считалъ необходимымъ увеличить число отпускныхъ.

Это увеличеніе естественно вело къ сокращенію сроковъ дѣйствительной службы.

По этому поводу Милютинъ писалъ:

«Независимо отъ увольненія солдатъ, по общему правилу, въ безсрочный отпускъ за выслугу 12 лѣтъ необходимо будетъ открыть увольненіе во временные отпуски за выслугу 11, 10, 9 и, быть можетъ,—8 лѣтъ.

[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства. Приложеніе къ «Историческому развитію военнаго управленія въ Россіи». Составилъ Н. А. Даниловъ, стр. 84.

«Подобное развитіе временныхъ отпусковъ, сокращая срокъ дѣйствительной службы солдата, должно имѣть благопріятныя послѣдствія для всего государства. Ваше Императорское Величество постоянно желали, чтобы военная служба не вела солдата къ разрыву всѣхъ семейственныхъ и имущественныхъ связей съ его родиной, чтобъ по возвращеніи отставного домой онъ не оставался бы безъ пріюта, не обращался бы въ бродягу, ни къ чему въ сельскомъ быту неспособнаго, и не былъ бы черезъ то въ тягость и себѣ, и обществу. Въ этихъ видахъ Вашимъ Величествомъ уже положено въ 1859 году начало сокращенія сроковъ обязательной военной службы. Нынѣ, съ прекращеніемъ крѣпостного права, устраняются и послѣднія препятствія къ полному достиженію означенной цѣли. При развитіи временныхъ отпусковъ большею частью солдаты, по окончаніи непродолжительнаго срока дѣйствительной службы, могли бы войти опять производительными членами въ составъ своихъ обществъ, съ весьма незначительнымъ пособіемъ отъ казны. На попеченіи же государства, кромѣ раненыхъ, осталось бы лишь небольшое число тѣхъ отставныхъ, которые добровольно отбыли бы, сверхъ полнаго 15-лѣтняго срока обязательной службы, по крайней мѣрѣ, еще 3 года вторичной дѣйствительной службы.

«Съ образованіемъ достаточнаго запаса отпускныхъ нижнихъ чиновъ и съ установленіемъ правильнаго, равномѣрнаго взиманія рекрутъ комплектованіе войскъ вообще приводится въ систему, вполнѣ раціональную, а именно: 1) для увеличенія состава арміи по военному времени недостающее число людей будетъ дополняться исключительно готовыми солдатами изъ отпусковъ, и 2) пополненіе же собственно убыли въ войскахъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время будетъ производиться рекрутами» [1]).

Вотъ тѣ начала въ области комплектованія арміи нижними чинами, на основаніи которыхъ, по мнѣнію Милютина, могли бы до нѣкоторой степени сдѣлать нашу военную систему болѣе или менѣе отвѣчающей требованію—при небольшомъ мирномъ составѣ арміи быть въ состояніи выставить въ военное время армію возможно большей численности.

Несомнѣнно, однако, что эти мѣры являлись только

[1]) Даниловъ, ор. с., стр. 85.

палліативами и могли лишь нѣсколько улучшить вопросъ о комплектованіи арміи нижними чинами, но не могли кореннымъ образомъ измѣнить его соотвѣтственно вновь народившимся требованіямъ современнаго состоянія военнаго искусства. И Милютинъ, конечно, сознавалъ это. Заканчивая свой упомянутый докладъ, въ части, касающейся этого вопроса, онъ писалъ: «Въ заключеніе считаю долгомъ еще упомянуть здѣсь о необходимости радикальнаго и безотлагательнаго пересмотра нашего рекрутскаго устава для согласованія его съ современными обстоятельствами, съ новыми условіями крестьянскаго быта, съ имѣющимися въ виду мѣрами къ устройству домашняго и гражданскаго положенія отставныхъ солдатъ. Вопросъ этотъ весьма сложный и крайне важный...» [1]).

Эти заключительныя слова, въ связи съ указанными выше временными мѣрами для облегченія населенію рекрутской повинности, уже въ 1862 году указывали тотъ путь, по которому Милютинъ предполагалъ въ будущемъ идти въ вопросѣ «пересмотра нашего рекрутскаго устава».

Согласованіе новаго рекрутскаго устава съ современными обстоятельствами, а главное,—«съ новыми условіями крестьянскаго быта» наряду съ желаніемъ привлечь «къ отправленію рекрутской повинности наибольшаго числа лицъ», показываетъ, что уже тогда Милютинъ пришелъ къ необходимости введенія у насъ общеобязательной воинской повинности, наилучшимъ образомъ разрѣшающей вопросъ о переходѣ арміи отъ штатовъ мирнаго времени къ штатамъ военнаго времени.

Уничтоженіе крѣпостного права дало возможность на практикѣ примѣнить принципъ, который теоретически былъ высказанъ у насъ еще въ 1795 году и заключающійся въ томъ, что «защита отечества и огражденіе предѣловъ безопасности суть предметы общихъ усилій и возможности и долгъ и обязанность всѣхъ и каждаго».

Однако, не скоро еще явилась для Милютина возможность привести въ исполненіе задуманную имъ реформу отбыванія населеніемъ воинской повинности.

Образованная въ 1863 году при Государственномъ Совѣтѣ комиссія для пересмотра рекрутскаго устава не стремилась измѣнить основы рекрутской повинности и лишь подъ

---

[1]) Ibid., стр. 86.

вліяніемъ отмѣченныхъ выше идей Милютина выработала много различныхъ постановленій, клонившихся къ достиженію въ этомъ вопросѣ цѣлей, указанныхъ Военнымъ Министромъ и въ то же время постепенно подготовлявшихъ введеніе у насъ общей воинской повинности.

Такъ, напримѣръ, было разрѣшено наниматься въ рекруты дворянамъ и класснымъ чиновникамъ, исключая лицъ, имѣющихъ военные офицерскіе чины; предоставлено освобожденіе отъ рекрутства единственному или старшему сыну солдата; отмѣнено право инородцевъ быть освобожденными отъ рекрутской повинности по случаю принятія православія; отмѣнена отдача въ солдаты за преступленія; сокращены сроки дѣйствительной службы болѣе раннимъ увольненіемъ нижнихъ чиновъ въ безсрочный отпускъ и нѣкоторыя другія.

Лишь въ 1870 году, послѣ Прусскихъ побѣдъ, одержанныхъ арміей, комплектованной по общеобязательной воинской повинности, Милютинъ, не смотря на массу противодѣйствія со стороны нѣкоторой части дворянства и богатаго купечества, получилъ возможность категорически поставить вопросъ о введеніи и у насъ, какъ это онъ намѣтилъ еще въ 1862 году, общей воинской повинности.

Въ 1870 году при Военномъ Министерствѣ подъ предсѣдательствомъ Начальника Главнаго штаба, графа Гейдена, и подъ высшимъ руководствомъ самого Милютина была образована особая комиссія.

Руководящими принципами для работъ этой комиссіи служили составленныя Милютинымъ и Высочайше утвержденныя «общія основанія».

Основанія эти предрѣшали вопросъ объ уравненіи всѣхъ сословій передъ воинской повинностью и основныя черты предстоящей реформы.

Сущность реформы была указана въ первомъ же параграфѣ новаго устава и заключалась въ томъ, что «защита отечества составляетъ священную обязанность каждаго русскаго подданнаго»; такимъ образомъ, отнынѣ къ воинской повинности должны были привлекаться не одни только податныя, но и всѣ сословія.

Въ дальнѣйшемъ новый уставъ устанавливалъ: поступленіе на службу рѣшается жребіемъ. Отъ призыва освобождаются только лица, которыя по физическимъ недостаткамъ признаны навсегда негодными къ военной службѣ.

Временныя отсрочки отъ призыва допускаются въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ и исключительно въ видахъ поддержки семей, обезпеченія народнаго образованія, а также въ интересахъ народнаго хозяйства и промышленности. Замѣщенія и откупы отъ военной службы не допускаются. Срокъ службы противъ прежняго сокращенъ, а именно: назначенъ въ 15 лѣтъ, изъ которыхъ на дѣйствительной— въ мирное время не болѣе 7 лѣтъ. На службу призываются молодые люди, родившіеся въ одномъ и томъ же году, слѣдовательно, одного, а не различныхъ возрастовъ, какъ то было раньше.

Еще при составленіи устава воинской повинности въ комиссіи графа Гейдена были сдѣланы попытки установить льготу полнаго освобожденія отъ военной службы для нѣкотораго разряда лицъ, обладающихъ крупными денежными средствами, но Милютинъ твердо высказался, что льготы по имуществу при общеобязательной личной повинности не могутъ имѣть мѣста.

Зато комиссія подъ вліяніемъ Милютина допустила самыя широкія льготы по образованію.

По этому поводу Милютинъ писалъ:

«Проникнутые мыслью, что военная повинность не только не должна вредить развитію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, а, напротивъ, насколько возможно способствовать его распространенію и что установленіе съ этою цѣлью льготъ для однихъ только вольноопредѣляющихся, подобно принятому за границей, было бы у насъ совершенно недостаточно, такъ какъ мы стоимъ на сравнительно низшей ступени образованія, комиссія единогласно признала необходимымъ оградить интересы образованія во всѣхъ его ступеняхъ даже для лицъ, поступающихъ въ армію по жребію. Съ этой цѣлью допущены были отсрочки до окончанія образованія и сокращенія срока дѣйствительной службы, начиная отъ полугода (для лицъ съ высшимъ образованіемъ), и до четырехъ лѣтъ (окончившіе курсъ въ начальныхъ училищахъ)» [1]).

Старанія Военнаго Министра дать импульсъ народному образованію настолько были очевидны, что впослѣдствіи Государственный Совѣтъ, обсуждая проектъ, счелъ спра-

---

[1]) Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. 8-е изд. М. 1900 г. стр. 490.

ведливымъ занести въ свой журналъ слѣдующія знаменательныя и лестныя для тогдашняго Военнаго Министра строки: «Проектъ производитъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе: при необходимомъ охраненіи интересовъ арміи и потребностей военнаго вѣдомства въ немъ не только не забыта важность просвѣщенія, но можно даже съ увѣренностью сказать, что проектированныя постановленія будутъ служить наиболѣе дѣйствительнымъ и могущественнымъ орудіемъ къ распространенію просвѣщенія. По мнѣнію присутствія, нельзя не принести за это составителямъ проекта справедливой доли признательности» [1]).

Въ январѣ 1873 года Милютинъ внесъ свой проектъ въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ, кромѣ множества мелкихъ замѣчаній, клонящихся къ отстаиванію тѣхъ или другихъ интересовъ привилегированныхъ сословій, было высказано и враждебное отношеніе къ основному принципу проекта—уравнительной всеобщей воинской повинности.

Милютинъ весьма искусно парировалъ всѣ эти стремленія, и Государственный Совѣтъ, согласно заключенію Милютина, отвергалъ тѣ или иныя попытки нарушить основные принципы реформы.

Особенно пришлось Милютину бороться съ управляющимъ государственнымъ коннозаводствомъ, генералъ-адъютантомъ Гринвальдомъ, Товарищемъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Вестманомъ, которые считали эту реформу преждевременной, Министромъ Юстиціи, графомъ Паленомъ и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Валуевымъ, которые требовали въ порядкѣ призыва, а затѣмъ и несенія службы нѣкоторыхъ привилегій для лицъ неподатныхъ сословій и, наконецъ, съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, который выступилъ рѣшительнымъ противникомъ системы льготъ по образованію, установленныхъ Милютинымъ въ проектѣ устава о воинской повинности.

Милютинъ, признававшій образованіе высшимъ благомъ и наибольшее его распространеніе—безусловно желательнымъ, горячо возражалъ графу Толстому, и его мнѣніе было поддержано наиболѣе видными членами Государственнаго Совѣта, которые въ широкомъ развитіи льготъ по

[1]) Джаншіевъ, ор. с., стр. 490.

образованію видѣли пользу не только для арміи, но придавали ему и общегосударственное значеніе, въ особенности въ виду малаго развитія у насъ тогда высшаго образованія.

Благодаря энергичной и умѣлой защитѣ проекта Милютину въ концѣ концовъ удалось провести новый уставъ о воинской повинности черезъ Государственный Совѣтъ не только въ общемъ, но и въ деталяхъ согласно первоначальному раціональному плану и уравнительнымъ принципамъ.

1-го января 1874 года уставъ о воинской повинности былъ утвержденъ. Нельзя не отмѣтить, что въ указѣ Сенату отъ 1-го января 1874 года, при которомъ уставъ былъ обнародованъ, между прочимъ, было сказано, что «новый законъ будетъ новымъ орудіемъ къ распространенію въ народѣ истиннаго просвѣщенія и послужитъ основаніемъ и залогомъ будущаго его благоденствія».

2-го января 1874 года крупныя заслуги Милютина въ дѣлѣ проведенія устава о воинской повинности были засвидѣтельствованы даннымъ на его имя Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ, въ которомъ говорилось:

«Постоянно слѣдя за ходомъ этого дѣла, какъ при работахъ подготовительныхъ, такъ и окончательномъ обсужденіи, Я имѣлъ возможность убѣдиться, насколько Вашему просвѣщенному рвенію, неутомимой дѣятельности и вѣрному пониманію предуказанной Мною цѣли Я обязанъ тѣмъ, что всѣ стороны сего важнаго преобразованія были тщательно разработаны, возникавшіе вопросы основательно разъяснены и составлено законоположеніе, вполнѣ отвѣчающее Моимъ видамъ. Проникнутый горячей заботливостью о пользѣ арміи и общемъ благѣ государства, Вы стремились во внесенномъ Вами въ Государственный Совѣтъ проектѣ къ пріумноженію не только матеріальной, но и преимущественно нравственной силы войска, и въ то же время не упустили изъ виду необходимости огражденія другихъ важныхъ интересовъ: быта семейнаго, промышленности, торговли и искусствъ и въ особенности просвѣщенія во всѣхъ его степеняхъ. Главнѣйшія постановленія, проектированныя во ввѣренномъ Вамъ министерствѣ, были уважены Государственнымъ Совѣтомъ, въ обсужденіяхъ котораго Вы принимали самое ревностное и полезное участіе. Тяжелыми трудами Вашими въ этомъ дѣлѣ и просвѣщеннымъ на него взглядомъ Вы оказали государству услугу, кото-

рую Я ставлю Себѣ въ особое удовольствіе засвидѣтельствовать и за которую выражаю Вамъ мою истинную душевную признательность. Законъ, Мною утвержденный и нынѣ обнародованный, да будетъ при Вашемъ содѣйствіи приводиться въ исполненіе въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ составленъ, съ сохраненіемъ твердо и незыблемо основного начала объ обязанности каждаго нести воинскую повинность и со всѣми въ отбываніи этой повинности облегченіями, возможными безъ ущерба для существенныхъ интересовъ государства, для силы и достоинства арміи» [1]).

Съ 1831 года большинство учебныхъ заведеній, учрежденныхъ съ цѣлью приготовленія офицеровъ для нашей арміи, подчинено было вѣдѣнію особаго центральнаго управленія, которое находилось въ связи съ Военнымъ Министерствомъ только по дѣламъ общимъ и въ порядкѣ высшаго управленія.

Между тѣмъ, прямая обязанность слѣдить за развитіемъ военнаго образованія въ войскахъ и комплектовать ихъ офицерами всецѣло лежала на обязанности Военнаго Министерства.

Къ тому же, главнымъ по численности источникомъ комплектованія являлось производство въ офицеры войсковыхъ юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ. Такъ, изъ этого источника пополнялось 62% офицеровъ, а изъ военно-учебныхъ заведеній—не болѣе 26%, а между тѣмъ содержаніе этихъ учебныхъ заведеній обходилось казнѣ около 4 милл. рублей въ годъ.

Одною изъ первыхъ заботъ Милютина послѣ назначенія его Военнымъ Министромъ было поднять уровень образованія той большей части офицеровъ, которые производились изъ войсковыхъ юнкеровъ, но это стремленіе встрѣтило препятствіе въ неимѣніи для этой цѣли достаточныхъ средствъ.

При такихъ условіяхъ на очередь выдвигался вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ офицеры, выпускаемые изъ кадетскихъ корпусовъ и однородныхъ съ ними заведеній, соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ военной службы и насколько являются производительными тѣ значительныя

[1]) Джаншіевъ, ор. с., стр. 501—502.

затраты казны на ихъ приготовленіе, которыя ассигнуются въ связи съ общей цифрой военнаго бюджета.

Всестороннее разсмотрѣніе этихъ двухъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ между собою, привело къ заключенію, что войсковой источникъ комплектованія офицерскихъ вакансій, несомнѣнно, имѣлъ за собой практическія строевыя достоинства, но общій уровень образованія офицеровъ изъ этого источника былъ несравненно ниже, чѣмъ у массы офицеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ, которые, въ свою очередь, далеко не могли удовлетворять практическимъ требованіямъ войсковой службы.

Такимъ образомъ, выяснилось, что оба источника съ той или другой стороны не отвѣчали дѣйствительнымъ войсковымъ потребностямъ, а потому являлась необходимость принять мѣры къ устраненію созданныхъ недостатковъ въ каждомъ изъ нихъ.

Но, чтобы успѣшно добиться такой цѣли, Милютинъ считалъ прежде всего необходимымъ установить единство въ управленіи всею военно-учебною частью.

Вслѣдствіе этого въ январѣ 1863 года вѣдомство военно-учебныхъ заведеній было введено въ составъ Военнаго Министерства. При этомъ прежній штабъ Главнаго начальника учебныхъ заведеній и бывшее управленіе училищъ военнаго вѣдомства были соединены въ одно главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, въ которомъ сосредоточены были всѣ дѣла:

а) по личному составу всѣхъ военно-учебныхъ заведеній какъ равно по опредѣленію и выпуску изъ нихъ воспитанниковъ; б) по воспитанію и образованію воспитанниковъ, и в) по хозяйству этихъ заведеній.

Собственно по учебно-воспитательной части на главное управленіе военно-учебныхъ заведеній были возложены слѣдующія обязанности:

а) слѣдить, чтобы воспитаніе и образованіе ведены были въ военно-учебныхъ заведеніяхъ на указанныхъ правительствомъ началахъ; б) наблюдать, чтобы методы преподаванія наукъ и искусствъ, учебныя программы, конспекты и руководства по всѣмъ предметамъ соотвѣтствовали требованіямъ педагогики и цѣли учрежденія заведеній; в) наблюдать, чтобы учебныя занятія распредѣлялись по классамъ удобнѣйшимъ образомъ; г) принимать мѣры къ замѣщенію

въ заведеніяхъ должностей воспитателей и преподавателей вполнѣ достойными лицами и къ распространенію между ними педагогическихъ свѣдѣній, и д) слѣдить вообще за ходомъ педагогическаго дѣла въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ, чрезъ собираніе свѣдѣній о нихъ и командированіе за границу лицъ по избранію Начальника главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, и за тѣми усовершенствованіями въ наукахъ военныхъ, кои состоятъ въ ближайшей связи съ преподаваемыми въ заведеніяхъ предметами.

Съ образованіемъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, включеннаго въ составъ Военнаго Министерства, Милютинъ тотчасъ же приступилъ къ переустройству военно-учебныхъ заведеній въ соотвѣтствіи съ стремленіемъ его прежде всего поднять образованіе офицерскаго корпуса и вообще подготовить офицеровъ, наиболѣе отвѣчающихъ какъ духу, такъ и формѣ вновь установленной военной системы.

Въ основу этого переустройства Милютинымъ были положены тѣ данныя и тѣ соображенія, которыя были собраны и къ какимъ пришелъ особый комитетъ, учрежденный еще въ концѣ 1862 года подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Михаила Николаевича.

Этотъ комитетъ, состоявшій изъ представителей отъ Военнаго Министерства, отъ военно-учебнаго вѣдомства и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, долженъ былъ всесторонне обсудить необходимыя перемѣны въ тогдашнемъ устройствѣ нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Матеріаломъ при обсужденіи комитетомъ этихъ вопросовъ должны были служить мнѣнія, представленныя съ одной стороны нѣкоторыми лицами высшаго государственнаго управленія, а съ другой стороны,—лицами, служившими въ указанныхъ заведеніяхъ.

Сущность большинства этихъ мнѣній сводилась къ тому, что тогдашнія военно-учебныя заведенія, обходясь правительству весьма дорого, не приносили ожидаемой отъ нихъ пользы ни въ числѣ, ни въ качествѣ приготовляемыхъ ими на службу офицеровъ.

Особенное вниманіе комитета было привлечено тѣми мнѣніями, которыя сводились къ тому, что въ прежнее время кадетскіе корпуса давали войскамъ не только на-

учно-образованныхъ офицеровъ, но и такихъ, изъ которыхъ вырабатывались хорошіе служаки, весьма цѣнимые войсковымъ начальствомъ; съ конца же пятидесятыхъ годовъ отзывы объ офицерахъ изъ кадетъ замѣтно измѣнились въ невыгодную для нихъ сторону, особенно въ отношеніи служебной ихъ подготовки, что зависѣло отъ того, что молодые офицеры нерѣдко обнаруживали на дѣлѣ далеко недостаточное знакомство съ условіями военнаго быта и основными требованіями воинской дисциплины.

Такое явленіе объяснялось не случайными или мѣстными причинами, а единственно общими недостатками самой ихъ организаціи, которая при общемъ измѣненіи всего строя русской жизни уже не могла отвѣчать вновь создавшимся условіямъ.

Переходя къ частностямъ неудовлетворительности организаціи военно-учебныхъ заведеній, комитетъ принужденъ былъ остановиться на заключеніи, что существеннѣйшими недостатками организаціи кадетскихъ корпусовъ были:

1) соединеніе въ нихъ общаго образованія со спеціальнымъ при большой разности въ возрастѣ обучавшихся; 2) рановременное обученіе дѣтей военнымъ упражненіямъ съ примѣненіемъ къ нимъ воинской дисциплины; 3) невыгоды служебнаго положенія ближайшихъ кадетскихъ наставниковъ и крайнее затрудненіе замѣщать такія должности надежными людьми, которые соединяли бы въ себѣ способности и подготовку педагога съ необходимыми качествами строевого офицера, и 4) излишняя обширность учебныхъ программъ и рѣзкое отдѣленіе учебной части отъ воспитательной.

Послѣ разсмотрѣнія отдѣльныхъ изъ указанныхъ вопросовъ въ спеціальныхъ комиссіяхъ комитетъ призналъ необходимымъ реорганизовать наши военно-учебныя заведенія на слѣдующихъ основаніяхъ:

«I. Сохранить за этими заведеніями обязанность подготовленія офицеровъ, съ достаточнымъ общимъ и основательнымъ военнымъ образованіемъ, не только для спеціальныхъ родовъ оружія, но и для армейскихъ войскъ, въ особенности для замѣщенія впослѣдствіи старшихъ воинскихъ должностей, причемъ общій размѣръ ежегоднаго выпуска ограничить 400—500 офицеровъ и, въ зависимости отъ такого размѣра, уменьшить число самыхъ заве-

деній съ тѣмъ, чтобы полученныя сбереженія обратить на устройство юнкерскихъ училищъ при войскахъ.

II. Отдѣлить спеціальные классы отъ общихъ въ особыя заведенія, устроивъ тѣ и другія на началахъ, соотвѣтствующихъ возрасту учащихся и характеру двухъ различныхъ отдѣловъ ученія.

III. Спеціальныя заведенія, подъ именемъ военныхъ училищъ, учредить въ столицахъ и организовать такъ, чтобы молодые люди, прямо готовящіеся къ военному поприщу, были какъ можно ближе поставлены въ условія военнаго воспитанія и дѣйствительной службы.

IV. Устройство общеобразовательныхъ заведеній военнаго вѣдомства, подъ названіемъ военныхъ гимназій, согласовать съ современными требованіями педагогики какъ по части воспитательной, такъ и по части учебной, допустивъ къ занятію здѣсь воспитательскихъ должностей безразлично военныхъ и гражданскихъ чиновъ, имѣющихъ надлежащее образованіе, причемъ, по возможности, улучшить сравнительно съ прежнимъ служебное ихъ положеніе» [1]).

Послѣ образованія главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній результаты работы комитета были обсуждены въ особой организаціонной комиссіи, образованной въ 1863 году при этомъ управленіи, которая вполнѣ согласилась съ ними и намѣтила цѣлый рядъ мѣръ для проведенія ихъ въ жизнь.

Мѣры эти, Высочайше одобренныя въ маѣ 1863 года, тотчасъ же стали постепенно приводиться въ исполненіе.

Прежде всего въ 1863 году спеціальные классы кадетскихъ корпусовъ были соединены въ военныя училища.

Что же касается переформированія общихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, то сначала былъ сдѣланъ опытъ такого переформированія въ одномъ изъ петербургскихъ корпусовъ.

Строевой составъ этого корпуса былъ упраздненъ. Вмѣсто прежнихъ ротъ въ немъ было принято раздѣленіе воспитанниковъ на четыре большія группы по возрастамъ съ устройствомъ отдѣльныхъ помѣщеній для каждой группы, подраздѣленной на воспитательныя отдѣленія, числитель-

---

[1]) Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній... Составилъ ген.-маіоръ Лалаевъ. Спб. 1880. Стр. 124—125.

ностью отъ 25 до 35 человѣкъ. Ближайшій надзоръ за каждымъ изъ возрастныхъ отдѣленій по всѣмъ безраздѣльно частямъ воспитанія порученъ отдѣльнымъ воспитателямъ, избраннымъ какъ изъ военныхъ, такъ и изъ гражданскихъ чиновъ, руководясь главнымъ образомъ требованіями педагогическими; вмѣстѣ съ тѣмъ составъ учебнаго курса рѣшено ограничить здѣсь исключительно предметами общаго образованія.

Въ слѣдующемъ году на новыхъ началахъ были преобразованы еще 5 корпусовъ и тогда же военно-учебныя заведенія новаго типа получили названія военныхъ гимназій.

Къ 1867 году у насъ уже не было ни одного кадетскаго корпуса, число же военныхъ гимназій, въ зависимости отъ нароставшей потребности, постепенно все возрастало.

Въ зависимости отъ указанныхъ переформированій соотвѣтственно были реорганизованы Пажескій и Финляндскій корпуса въ видахъ возможнаго сближенія устройства ихъ спеціальныхъ классовъ съ типомъ военныхъ училищъ и примѣненія къ общимъ классамъ воспитательнаго устройства военныхъ гимназій.

На томъ же основаніи и Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ было преобразовано въ спеціально кавалерійское училище.

Новая организація военно-учебныхъ заведеній дала возможность подготовлять въ нихъ офицеровъ, вполнѣ отвѣчающихъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляли новыя условія жизни и которыя выдвигали какъ новый ея строй вообще, такъ и новая военная система—въ частности.

Однако, офицерами, выпускаемыми изъ вновь реформированныхъ военно-учебныхъ заведеній, далеко не могли удовлетворить существовавшей тогда въ этомъ отношеніи потребности, средствъ же развить эти заведенія до необходимаго числа не было. Вотъ почему, не смотря на стремленіе Милютина возможно выше поднять общій уровень образованія офицерскаго корпуса, ему не представлялось возможнымъ отказаться отъ войсковыхъ юнкеровъ, строевыхъ унтеръ-офицеровъ и вольноопредѣляющихся, какъ источника комплектованія офицерскаго состава. А между тѣмъ какъ войсковые юнкера, такъ и въ особенности строевые унтеръ-офицеры, получавшіе право на производ-

ство въ офицеры за выслугу лѣтъ, производились при условіи выдержанія экзаменовъ по весьма примитивной программѣ. Это же приводило къ тому, что, напримѣръ, въ 1861 году въ общемъ комплектѣ офицеровъ нашихъ войскъ число обучавшихся лишь въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же неполучившихъ никакого школьнаго образованія составляло болѣе 54%.

Чтобы эту категорію офицеровъ хотя немного приблизить, съ точки зрѣнія научной подготовки, къ офицерамъ, прошедшимъ курсъ военныхъ училищъ, было рѣшено учредить для нихъ спеціально юнкерскія училища.

Положенія объ этихъ училищахъ были изданы въ сентябрѣ 1864 года и тотчасъ же они начали открываться. Къ 1870 году уже было всего 12 пѣхотныхъ юнкерскихъ училищъ, два кавалерійскихъ и три казачьихъ.

Со времени образованія юнкерскихъ училищъ никто изъ служащихъ въ войскахъ унтеръ-офицеровъ не могъ быть произведенъ въ офицеры, не окончивъ успѣшно курса въ юнкерскомъ училищѣ или не выдержавъ установленнаго экзамена.

По своимъ программамъ, какъ общимъ, такъ и спеціальнымъ, юнкерскія училища во многомъ уступали военнымъ училищамъ. Такимъ образомъ, научная подготовка воспитанниковъ первыхъ была значительнѣе таковой послѣднихъ, но за то служебная и бытовая обстановка юнкерскихъ училищъ болѣе приближалась къ жизни войсковыхъ частей, отчего содержаніе ихъ обходилось значительно дешевле, чѣмъ содержаніе военнаго училища.

Для обезпеченія правильнаго пополненія юнкерскихъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для улучшенія того контингента, которымъ они пополнялись предварительнымъ сообщеніемъ ему надлежащей учебной подготовки, рѣшено было учредить такія учебныя заведенія, которыя подготовляли бы своихъ воспитанниковъ посредствомъ законченнаго элементарнаго образованія и соотвѣтственнаго воспитанія къ поступленію въ юнкерскія училища на правахъ вольноопредѣляющихся.

Въ результатѣ съ 1868 года существовавшія въ то время военныя начальныя школы [1]) постепенно стали преобразо-

[1]) Военно-начальныя школы предназначались для воспитанія сыновей тѣхъ военно-служащихъ, которые по сословнымъ правамъ не

ваться въ подготовительныя школы для юнкерскихъ училищъ. Школы эти получили наименованіе военныхъ прогимназій и для нихъ былъ опредѣленъ законченный элементарный учебный курсъ.

Къ 1871 году военныхъ прогимназій у насъ было всего десять.

Съ устройствомъ военныхъ прогимназій у насъ, по мысли Милютина, осуществилась та военно-учебная система, которая давала возможность комплектовать армію офицерами, получившими сообразно ея современнымъ потребностямъ общую и спеціально военно-научную подготовку двухъ различныхъ уровней: высшую, доставляемую военными гимназіями и затѣмъ—военными училищами, и низшую, пріобрѣтаемую въ военныхъ прогимназіяхъ и впослѣдствіи въ юнкерскихъ училищахъ. При этомъ нужно сказать, что существованіе юнкерскихъ училищъ и прогимназій обусловливалось съ одной стороны неимѣніемъ у государства средствъ, а съ другой стороны стремленіемъ использовать весь болѣе или менѣе подходящій матеріалъ для необходимаго пополненія офицерскаго состава арміи.

«При настоящемъ состояніи военнаго искусства артиллерійская техника получила чрезвычайную важность. Совершенство оружія даетъ нынѣ рѣшительный перевѣсъ той арміи, которая въ этомъ отношеніи опередитъ другія». Такими словами началъ Милютинъ ту часть своего всеподданнѣйшаго доклада отъ 15-го января 1862 года, которая касалась вопроса о вооруженіи арміи.

Наряду съ этимъ быстрое развитіе артиллерійской техники за границей, значительный составъ нашей арміи, ограниченность у насъ техническихъ заведеній и недостаточность развитія ихъ, несмотря на усердные труды и знаніе дѣла нашихъ ученыхъ артиллеристовъ, создали у насъ такое положеніе, что «мы должны, какъ писалъ Милютинъ въ указанномъ докладѣ, откровенно признаться, что въ матеріальномъ состояніи артиллеріи и въ вооруже-

---

могли опредѣлять дѣтей въ военныя гимназіи. Курсъ школъ былъ общеобразовательно - элементарный, четырехгодичный; по успѣшномъ окончаніи этого курса воспитанники переводились въ школы: техническую, пиротехническую, чертежную и фельдшерскую или же назначались на службу писарями 2-го разряда.

ніи войскъ мы отстали отъ другихъ европейскихъ государствъ» [1]).

Изъ изложеннаго видны: взглядъ Милютина на дѣло вооруженія арміи, направленіе, въ которомъ онъ считалъ нужнымъ вести этотъ вопросъ, и тѣ громадныя трудности, которыя онъ долженъ былъ встрѣтить на пути благопріятнаго разрѣшенія этого вопроса.

Ко времени вступленія Милютина въ должность Военнаго Министра наша армія была въ періодѣ перевооруженія: пѣхота перевооружалась шестилинейными винтовками 1857 года, причемъ для полнаго снабженія арміи этими винтовками не хватало еще около 300.000 винтовокъ, не считая запаса, размѣръ котораго Милютинъ опредѣлялъ въ половину количества винтовокъ, состоящихъ въ войскахъ.

Въ артиллеріи легкія батареи перевооружались 4-фунтовыми нарѣзными пушками, которыхъ еще не хватало 128 (изъ 224, положенныхъ по штату).

Что касается батарейныхъ батарей, то для нихъ, вооруженныхъ 12-фунтовыми пушками, нарѣзанными изъ прежнихъ гладкостѣнныхъ орудій, новый образецъ еще не былъ даже установленъ.

Кромѣ того, у насъ еще совершенно не было орудій для образованія запаса, необходимаго, по мнѣнію Милютина, въ значительномъ размѣрѣ для сформированія на военное время всѣхъ резервныхъ батарей, для образованія на театрѣ войны артиллерійскихъ депо и для перемѣны орудій, приходящихъ въ негодность.

Затѣмъ, по заявленію Милютина, «особеннаго вниманія заслуживаетъ улучшеніе крѣпостной артиллеріи, находящейся вообще въ крайне неудовлетворительномъ состояніи».

Милютинъ категорически писалъ, что вооруженіе нашихъ приморскихъ и сухопутныхъ крѣпостей прежними гладкостѣнными орудіями на деревянныхъ лафетахъ уже по самой системѣ своей не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ. Онъ говорилъ, что въ крѣпостяхъ необходимы орудія съ большой настильностью на дальнихъ дистанціяхъ и съ достаточной силой удара противъ брони. Онъ указывалъ, что опытъ послѣднихъ войнъ показалъ

---

[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства. Приложеніе къ историческому очерку развитія военнаго управленія въ Россіи. Составилъ Н. А. Даниловъ, стр. 135.

явное превосходство нарѣзныхъ орудій меньшихъ калибровъ противъ гладкостѣнныхъ даже наибольшихъ калибровъ. Онъ обращалъ вниманіе на то, что «непріятель, пользуясь желѣзными дорогами, можетъ подвезти даже къ сухопутнымъ крѣпостямъ несравненно болѣе осадной артиллеріи, чѣмъ было при прежнихъ осадахъ, и что это обязываетъ особенно тщательно вооружить наши западныя крѣпости [1])».

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ вопросовъ въ дѣлѣ вооруженія нашей арміи, Милютинымъ были поставлены на очередь и масса другихъ, тѣсно связанныхъ съ ними, а именно: вопросы объ осадной артиллеріи, о снабженіи артиллеріи снарядами, о запасахъ пороха, селитры, сѣры и свинца, о мѣстныхъ и подвижныхъ паркахъ, о техническихъ заведеніяхъ, причемъ, говоря о послѣднихъ, Милютинъ указывалъ на необходимость «пріостановить устройство ракетнаго заведенія въ Николаевѣ, такъ какъ съ усовершенствованіемъ нарѣзныхъ орудій будущность боевыхъ ракетъ становится сомнительной».

Къ этому нужно прибавить, что и въ этомъ дѣлѣ онъ не обошелся безъ того средства, которое считалъ наиболѣе могущественнымъ вообще для усовершенствованія арміи: онъ писалъ о необходимости устроить школы, имѣющія цѣлью приготовлять мастеровъ для разныхъ отраслей артиллерійской техники.

Въ общемъ, по всѣмъ указаннымъ вопросамъ Милютинымъ не только было намѣчено, что̀ намъ нужно сдѣлать, но также и цѣлый рядъ мѣръ для достиженія намѣченнаго.

Однако, тѣ же причины, которыя заставляли насъ въ дѣлѣ вооруженія отставать отъ западно-европейскихъ армій до сихъ поръ и которыя всѣ ясно сознавались Милютинымъ, дѣйствовали и теперь и даже еще въ большей степени, такъ какъ быстрый ростъ техники приводилъ къ появленію все болѣе и болѣе совершенныхъ образцовъ ружей и орудій. Вслѣдствіе этого едва успѣвали остановиться на какомъ-нибудь одномъ образцѣ и приступить къ его выдѣлкѣ, какъ появлялся образецъ, еще болѣе совершенный. Переходъ же отъ одного образца къ другому требовалъ громадныхъ средствъ, которыхъ перестраивавшаяся тогда во всѣхъ отношеніяхъ Россія не имѣла.

---

[1]) Ibid.

Едва только наша пѣхота была перевооружена 6-ти-линейными винтовками, какъ появились капсюльныя ружья, заряжающіяся съ казны, которыми и перевооружились наши западные сосѣди.

Почти въ то же время за границей и у насъ начались опыты съ ружьями, заряжающимися унитарнымъ патрономъ (игольчатыя).

Не желая отставать въ вопросѣ вооруженія отъ другихъ армій и такимъ образомъ вновь попасть въ такое положеніе, въ какомъ мы были въ войну 1853 — 56 гг., Милютинъ настоялъ на томъ, чтобы бывшая на вооруженіи 6-лин. винтовка возможно скорѣе была передѣлана для заряжанія съ казны, считая полученный такимъ путемъ образецъ временнымъ, а въ то же время, въ виду опыта войны 1866 года, чтобы самымъ напряженнымъ образомъ велись опыты для выработки болѣе совершенныхъ образцовъ (игольчатыхъ).

Но еще не успѣли у насъ остановиться на опредѣленномъ образцѣ игольчатаго ружья, какъ дальнѣйшее усовершенствованіе техники, въ связи съ боевыми условіями— необходимостью увеличить настильность, допускающую большій прямой выстрѣлъ, и имѣть нижнимъ чинамъ на себѣ больше патроновъ—привело къ требованію уменьшить калибръ ружья и къ возможности перейти къ металлическимъ гильзамъ.

Все это, въ связи съ недостаткомъ денежныхъ средствъ, крайне усложняло вопросъ о перевооруженіи нашей пѣхоты, вызвавъ колебанія и нерѣшительность нашего спеціальнаго вѣдомства—главнаго артиллерійскаго управленія.

Но Милютинъ этимъ колебаніямъ положилъ конецъ, испросивъ Высочайшее повелѣніе на принятіе всѣхъ мѣръ къ употребленію всѣхъ усилій прежде всего для передѣлки 6-ти-линейныхъ винтовокъ въ заряжающіяся съ казны, а затѣмъ для выработки новаго малокалибернаго ружья съ металлическими патронами [1]).

Несмотря на такое категорическое указаніе, наши заводы, съ одной стороны, вслѣдствіе своего неудовлетворительнаго оборудованія, а съ другой стороны вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій въ утвержденномъ образцѣ, пере-

[1]) Вооруженіе Русской арміи за XIX столѣтіе. Гв. полковникъ В. Г. Федоровъ. Спб. 1911, стр. 158 и 163.

дѣлку 6-ти-линейной винтовки производили крайне медленно.

Сознавая опасность такого положенія, Милютинъ въ октябрѣ 1868 года принимаетъ чрезвычайныя мѣры, чтобы поднять производительность казенныхъ оружейныхъ заводовъ.

Однако, приведеніе въ исполненіе этихъ мѣръ показало, что медленность передѣлки на нашихъ заводахъ ружей въ наибольшей мѣрѣ зависитъ отъ трудности этой передѣлки. Разработка же вопроса объ устраненіи этой трудности привела къ заключенію о необходимости остановиться на новомъ образцѣ, въ который можно было бы передѣлать 6-ти-линейную винтовку, и притомъ образцѣ съ металлическимъ патрономъ, съ честью выдержавшимъ испытаніе въ междоусобной войнѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ 1861—1867 гг.

Такимъ образомъ, вопросъ объ образцѣ ружья для нашей арміи вновь усложнился и вновь, чтобы двинуть его впередъ, Милютинъ беретъ его въ свои руки.

По всеподданнѣйшему докладу Военнаго Министра въ февралѣ 1869 года была образована спеціальная комиссія преимущественно изъ техниковъ, близко знакомыхъ съ заводскимъ дѣломъ. Комиссія эта должна была рѣшить основной вопросъ, не слѣдуетъ ли всѣ силы и средства, нынѣ употребляемыя на изготовленіе игольчатыхъ винтовокъ, обратить на передѣлку и приготовленіе ружей по какой-либо изъ наиболѣе упрощенныхъ системъ съ допущеніемъ металлическаго патрона.

Въ связи съ этимъ основнымъ рѣшеніемъ комиссія, которая созывалась неотлагательно, должна была разрѣшить цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, формулированныхъ самимъ Милютинымъ и касающихся какъ существа дѣла, такъ и опредѣленія стоимости всей операціи.

Свое приказаніе по этому поводу Милютинъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Само собою разумѣется, что комиссія должна употребить всѣ усилія, чтобы привести возлагаемое на нее дѣло къ окончанію въ сколь возможно кратчайшій срокъ»[1]).

Образованная подъ предсѣдательствомъ Г. Л. Рѣзваго комиссія работала очень быстро и уже въ февралѣ 1869 г.

---

[1]) Ibid, стр. 200—201.

пришла къ заключенію, что изъ разсмотрѣнныхъ ею съ указанной цѣлью двухъ наилучшихъ образцовъ винтовокъ, системъ лейтенанта Барановскаго и Крынка, съ точки зрѣнія технической и коммерческой преимущества должны были быть отданы системѣ Крынка.

Послѣ этого было произведено еще въ комиссіи изъ строевыхъ начальниковъ испытаніе указанныхъ образцовъ стрѣльбою, съ точки зрѣнія опредѣленія боевыхъ ихъ качествъ.

И это испытаніе показало, что лучшимъ образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ является винтовка Крынка.

18-го января 1869 года образецъ передѣланной 6-ти-линейной винтовки системы Крынка получилъ Высочайшее утвержденіе.

Однако, вслѣдствіе необходимости еще цѣлаго ряда испытаній для выясненія наиболѣе цѣлесообразнаго устройства деталей винтовки, а главное необходимости выработать для нея соотвѣтствующій патронъ, привели къ тому, что валовая передѣлка 6-ти-линейной винтовки по системѣ Крынка началась лишь два года спустя.

Одновременно съ вопросомъ о скорѣйшей передѣлкѣ 6-ти-линейной винтовки въ заряжающуюся съ казны съ металлическимъ патрономъ, какъ было указано выше, шла разработка вопроса о ружьѣ калибра 4,5 лин., которое появилось впервые въ Америкѣ. Для изученія такихъ винтовокъ лѣтомъ 1866 года въ Америку были командированы полковникъ Горловъ и капитанъ Гуніусъ, которые тамъ подробно изучили нѣсколько десятковъ малокалиберныхъ скорострѣльныхъ образцовъ съ металлическими патронами.

Изученіе всѣхъ этихъ системъ показало, что въ Америкѣ не имѣется ни одной системы, которую можно бы принять безъ всякихъ измѣненій на вооруженіе арміи, но что наибольшаго вниманія заслуживаетъ система Бердана съ откиднымъ вверхъ затворомъ (такъ называемая перваго образца), калибромъ въ 4,5 лин.

Въ виду этого наши офицеры, совмѣстно съ изобрѣтателемъ, и приступили къ работамъ по устраненію тѣхъ ея недостатковъ, которые выяснились при опытахъ и которые совершенно были устранены послѣ полуторагодовой работы, причемъ калибръ ружья былъ уменьшенъ до 4,2. Въ результатѣ въ 1868 году была выработана система ружья,

предложенная для вооруженія русской арміи. Эта система вслѣдствіе того, что она получилась введеніемъ русскими офицерами массы улучшеній въ систему Бердана, въ Америкѣ получила названіе русской и признавалась тамъ наилучшей изъ всѣхъ существующихъ.

Въ виду ясно выраженныхъ достоинствъ этого ружья войскового испытанія винтовокъ Бердана № 1 произведено не было и въ 1868 году было заказано на Кольтовскомъ заводѣ въ Америкѣ 30000 ружей и $7^1/_2$ мил. патроновъ.

Между тѣмъ, Берданъ отправился въ Россію и здѣсь предложилъ нашему Военному Министерству новый образецъ винтовки, который и былъ подвергнутъ испытанію въ учебномъ баталіонѣ совмѣстно съ винтовкой Бердана № 1.

При предварительныхъ испытаніяхъ винтовки системы № 2 дали хорошіе результаты, вслѣдствіе чего рѣшено было вооруженіе арміи первымъ образцомъ Бердана, улучшеннымъ Горловымъ и Гуніусомъ, отмѣнить и вмѣсто него ввести систему того же изобрѣтателя, № 2, со скользящимъ затворомъ.

Такое рѣшеніе крайне обидѣло генерала Горлова, который въ это время былъ въ Америкѣ, и онъ подалъ Военному Министру и Товарищу генералъ-фельдцейхмейстера рапорты, въ которыхъ доказывалъ, что винтовка Бердана образца 1868 года гораздо лучше, чѣмъ винтовка его же № 2, и что если уже почему-либо рѣшили отказаться отъ Бердана № 1, то лучше тогда принять на вооруженіе нашей арміи ружье системы Генри-Мартини.

Эти пререканія крайне невыгоднымъ образомъ отражались на успѣхѣ снабженія войскъ новыми винтовками, и Милютину пришлось еще разъ сказать свое твердое и вѣское слово по вопросу, который онъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ дѣлѣ переустройства нашей арміи.

Относительно указанныхъ рапортовъ генерала Горлова Милютинъ 21-го сентября 1870 года положилъ слѣдующую резолюцію:

«Если генералъ Горловъ имѣлъ въ виду удобство заказа ружей Генри-Мартини въ Англіи, то одна эта причина едва ли можетъ оправдать новую перемѣну образца—Россія—не Египетъ, не Папскія владѣнія—чтобы ограничиться покупкой ружей за границей на всю армію. Мы должны же устроить свои заводы для изготовленія въ будущемъ на-

шихъ ружей и вотъ существенный вопросъ, не встрѣтятъ ли наши заводы большихъ непреодолимыхъ затрудненій для изготовленія ружей образца 1868 г., если бы даже и признать вмѣстѣ съ Горловымъ, что эти ружья самыя лучшія изъ всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ.

Образецъ, такъ называемый Бердана № 2, соблазняетъ какъ въ особенности своей простотой въ фабрикаціи, такъ и удобствомъ манипуляціи съ его затворомъ.

Но, конечно, если бы болѣе основательное испытаніе этого ружья убѣдило насъ въ такихъ капитальныхъ недостаткахъ, какіе приписываетъ ему Горловъ, то придется отказаться отъ него и остаться при ружьяхъ 1868 года, хотя и затруднительныхъ для фабрикаціи. Въ подобномъ же случаѣ не будетъ большой бѣды въ томъ, что мы будемъ имѣть 30 т. лишнихъ Бирмингамскихъ ружей, но за то вся остальная армія будетъ вооружена однимъ ружьемъ образца 1868 года, которое пріобрѣло въ войскахъ уже очень хорошую извѣстность. При такомъ предположеніи, быть можетъ, слѣдуетъ продолжить заказъ Кольтовскому заводу, какъ прежде предполагалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать новое направленіе комиссіи, назначенной для устройства Тульскаго завода.

При этомъ новомъ эпизодѣ въ нашей несчастной ружейной драмѣ является еще одно прискорбное обстоятельство—новая остановка въ рѣшеніи вопроса о вооруженіи арміи. Казалось намъ, что вопросъ этотъ уже былъ почти рѣшенъ; оставалось только сдѣлать заказъ; теперь снова надо отложить утвержденіе образца, пока не разъяснится сомнѣніе, возбужденное Горловымъ. Но когда и какъ послѣдуетъ это разъясненіе, чего именно теперь мы ждемъ? Если и пришлютъ намъ черезъ нѣсколько недѣль новый образецъ изъ Бирмингама, то можемъ ли мы по одному или нѣсколькимъ образцамъ въ короткое время вывести окончательное заключеніе о томъ, правъ ли Горловъ или напрасно онъ насъ встревожилъ. Если бы ружье Бердана № 2 имѣло одинъ только тотъ недостатокъ, который въ немъ открытъ вслѣдствіе поврежденія механизма отъ разрыва патрона, извѣстнымъ образомъ распиленнаго, но Горловъ называетъ это ружье вообще негоднымъ, не выдерживающимъ никакой критики, невозможнымъ. По словамъ его, ни одна изъ системъ со скользящимъ затворомъ нигдѣ не принята. Если это такъ, то никакія исправленія,

въ родѣ нынѣ предложенныхъ Берданомъ, не устраняютъ недостатковъ его ружья. Въ такомъ случаѣ, чего же ожидать намъ отъ новаго ружья, которое онъ обѣщалъ намъ доставить. Положимъ, въ этомъ новомъ образцѣ и не случится то, что случилось на послѣднихъ опытахъ въ Учебномъ баталіонѣ; но будемъ ли мы увѣрены, что ружье не имѣетъ другихъ недостатковъ. Вотъ, почему весьма жаль, что Горловъ такъ безусловно и почти голословно забраковалъ ружье Бердана № 2, не выяснивъ подробно всѣхъ его недостатковъ. Естественно, что полковникъ Горловъ долженъ предпочитать свое ружье всѣмъ прочимъ; онъ считаетъ его своимъ созданіемъ, а всякій изобрѣтатель безъ исключенія признаетъ всѣ другія ружья хуже своего. Поэтому было бы желательно, чтобы Горловъ какъ можно скорѣе сообщилъ подробныя свѣдѣнія о недостаткахъ новаго Бердановскаго ружья.

«Въ ожиданіи же этихъ разъясненій изъ Америки, кажется, слѣдовало бы обсудить возникшее новое сомнѣніе съ здѣшними спеціалистами. По моему мнѣнію, надобно дать имъ высказаться вполнѣ и со всею откровенностью. Они отнюдь не должны думать, будто мы особенно протежируемъ ту или другую сторону, будто мы отстаиваемъ теперь новый образецъ Бердана. Пусть они критикуютъ этотъ образецъ; надо намъ знать всю правду...» [1]).

Для новыхъ сравнительныхъ испытаній винтовокъ Бердана № 1 и № 2 была образована спеціальная комиссія. Всѣ произведенныя испытанія указали на преимущества системы Бердана № 2, которую поэтому и было рѣшено принять на вооруженіе нашей арміи, причемъ къ винтовкѣ былъ впервые у насъ принятъ четырехгранный штыкъ, замѣнившій бывшій у насъ столь долгое время трехгранный.

Первоначально винтовки Бердана № 2 изготовлялись въ Англіи на заводѣ въ Бирмингамѣ, а затѣмъ валовое ихъ изготовленіе было установлено и у насъ на нашихъ оружейныхъ заводахъ.

Въ результатѣ хотя къ началу войны нашей съ Турціей въ 1877 году наша армія и не была вся перевооружена новой винтовкой, но все же въ отношеніи вооруженія она и абсолютно и относительно была гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ войну 1853—56 г.г. И это

[1]) Ibid, стр. 237—239.

стало возможнымъ только благодаря просвѣщенному и настойчивому руководству въ этомъ дѣлѣ Милютина, которому пришлось для благопріятнаго его исхода потратить немало труда и энергіи.

Въ настоящее время мы имѣемъ очень мало данныхъ для того, чтобы судить о томъ значеніи и вліяніи, которыя имѣлъ Милютинъ на дѣло перевооруженія нашей артиллеріи. Лишь общій характеръ его дѣятельности, его пониманіе обязанностей и правъ Военнаго Министра, его сознаніе той нравственной отвѣтственности, которая лежала на немъ за благоустройство во всѣхъ отношеніяхъ арміи, наконецъ, его знанія и трудолюбіе позволяютъ намъ съ увѣренностью сказать, что, конечно, и въ этомъ дѣлѣ не обошлось безъ его самаго дѣятельнаго участія въ той или другой формѣ.

Вслѣдствіе этого, говоря о государственной дѣятельности Милютина, пока приходится, не упуская изъ виду его общій взглядъ на это дѣло, ограничиться лишь простымъ перечисленіемъ того, что было сдѣлано у насъ по вопросу о вооруженіи нашей артиллеріи за то время, когда онъ стоялъ во главѣ Военнаго Министерства.

Въ 1862 году былъ рѣшенъ вопросъ о выборѣ нарѣзного батарейнаго орудія, причемъ остановились на томъ, чтобы сдѣлать нарѣзку въ 12-ти-фунтовыхъ пушкахъ, вооруживъ ими по одной батареѣ въ каждой бригадѣ.

Въ этомъ же году 4-хъ-фунтовыя пушки начали выдѣлывать изъ стали.

Между тѣмъ, усовершенствованіе техники повело къ появленію за границей нарѣзныхъ орудій, заряжающихся съ казны. Тогда у насъ тотчасъ же стали дѣлать соотвѣтствующіе опыты, полагая, между прочимъ, что, введя 4-хъ-фунтовыя нарѣзныя пушки, заряжающіяся съ казны, тѣмъ самымъ получимъ возможность замѣнить ими всѣ остальныя орудія и такимъ образомъ—принятіемъ одного калибра упростить всю матеріальную часть.

Опыты были закончены въ 1865 году и дали прекрасные результаты и тогда же у насъ рѣшено было ввести на вооруженіе именно это орудіе. Невозможность въ скоромъ времени изготовить необходимое количество новыхъ пушекъ задержала перевооруженіе ими нашей артиллеріи.

Между тѣмъ, во Франціи были введены батарейныя 12-ти-фунтовыя пушки. Тогда признано было и у насъ

необходимымъ имѣть нѣкоторое число орудій, не только неуступающихъ французскимъ пушкамъ, но и превосходящихъ ихъ въ силѣ удара и разрушительномъ дѣйствіи противъ земляныхъ насыпей.

Въ результатѣ у насъ была спроектирована 9-ти-фунтовая нарѣзная, заряжающаяся съ казны пушка, вполнѣ отвѣчающая поставленной задачѣ и даже по отлогости и мѣткости значительно превосходящая 12-ти-фунтовую французскую.

Массовая выдѣлка этой пушки изъ стали была не по силамъ нашимъ заводамъ, отдавать же заказъ на заграничные заводы считали неудобнымъ и потому эти пушки стали у насъ выдѣлываться безразлично изъ стали и изъ мѣди.

Въ 1866 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о вооруженіи всей полевой артиллеріи орудіями, заряжающимися съ казенной части: 9-ти-фунтовыми первыхъ батарей всѣхъ дѣйствующихъ пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, 4-хъ-фунтовыми всѣхъ остальныхъ батарей пѣшей и конной артиллеріи. При этомъ рѣшено было отпускать въ войска орудія безразлично какъ мѣдныя, такъ и стальныя.

При указанныхъ выше образцахъ орудій наша артиллерія сравнялась по мѣткости съ прусской, а по разрушительности дѣйствій—съ французской.

Наряду со стремленіемъ имѣть скорострѣльныя винтовки у насъ разсматривался вопросъ и о скорострѣльныхъ пушкахъ.

Въ результатѣ въ 1870 году у насъ были сконструированы скорострѣльныя пушки, представляющія собой не что иное, какъ шести- или десяти-ствольные пулеметы изъ стволовъ такого же калибра, какъ и ружейные.

Эти пушки по 8 были сведены въ батареи и приданы, какъ четвертыя, всѣмъ бригадамъ.

Неудачное примѣненіе подобныхъ скорострѣльныхъ пушекъ въ войну 1870—71 гг. привело къ тому, что эти батареи были въ бригадахъ замѣнены пушечными, вооруженными тѣми же образцами орудія, которыя уже были приняты у насъ на вооруженіи.

Показавъ боевую непрактичность подобныхъ пушекъ или картечницъ, какъ называли ихъ у насъ, Франко-Германская война вмѣстѣ съ тѣмъ доказала необходимость имѣть больше артиллеріи и притомъ артиллеріи дальнобойной.

Въ этихъ двухъ направленіяхъ у насъ и шло вооруженіе нашей артиллеріи послѣ войны 1870 — 71 гг.

Въ 1872 году въ каждую бригаду было прибавлено по двѣ батареи. Такимъ образомъ, бригада состояла изъ шести батарей: трехъ 9-ти-фунтовыхъ, двухъ 4-хъ-фунтовыхъ и одной—изъ картечницъ.

Въ 1876 году картечныя батареи были замѣнены 4-хъ-фунтовыми.

Въ такомъ составѣ наша артиллерія и выступила въ турецкій походъ.

Между тѣмъ, еще съ 1870 года у насъ производились опыты надъ дальнобойной артиллеріей.

Опыты эти съ благопріятнымъ результатомъ окончились только въ 1877 году, когда были спроектированы три образца стальнаго дальнобойнаго орудія: батарейное, соотвѣтствующее 9-ти-фунтовому, легкое—соотвѣтствующее 4-хъ-фунтовому, и для конной артиллеріи—легкое, нѣсколько облегченнаго вѣса.

При этомъ рѣшено было первыя двѣ батареи въ бригадахъ снабдить батарейными орудіями, а прочія—легкими.

Окончательное перевооруженіе нашей артиллеріи новыми дальнобойными пушками закончилось уже въ слѣдующемъ царствованіи.

Изъ изложеннаго видно, что, не касаясь даже осадной и крѣпостной артиллеріи, для преобразованій нашей артиллеріи за 20-лѣтнее пребываніе Милютина въ должности Военнаго Министра требовался громадный трудъ и неутомимая энергія.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что при всѣхъ многочисленныхъ преобразованіяхъ артиллеріи за этотъ періодъ руководящей идеей, направляющей силы, было «снабдить наши войска современнымъ оружіемъ», такъ какъ сознавалось, что «совершенство оружія, по выраженію Милютина, даетъ нынѣ рѣшительный перевѣсъ той арміи, которая въ этомъ отношеніи опередитъ другія» [1]).

---

[1]) При разсмотрѣніи вопроса о вооруженіи нашей артиллеріи при Милютинѣ матеріаломъ служилъ главнымъ образомъ «Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи...., составленный подъ руководствомъ ген.-лейт. Богдановича, т.т. 4—5. Спб. 1880 г.

Недостатокъ матеріала не даетъ намъ возможности въ настоящее время выяснить полностью ту роль, которую сыгралъ Милютинъ въ дѣлѣ строевой и тактической или, вообще говоря, боевой подготовки войскъ и въ частности— въ вопросѣ усовершенствованія въ достаточной степени командnаго состава нашей арміи. Однако, соображенія Милютина по этимъ вопросамъ, представленныя имъ Императору Александру II, наглядно показываютъ то направленіе, тотъ духъ, ту систему, которыхъ Дмитрій Алексѣевичъ признавалъ необходимымъ держаться, чтобы «поддержать, какъ говорилъ онъ, наши военныя силы въ положеніи, соотвѣтственномъ и настоящимъ силамъ другихъ европейскихъ государствъ, и настоятельному требованію улучшеній по разнымъ отраслямъ военнаго устройства».

Соображенія эти высказаны Милютинымъ въ слѣдующихъ словахъ его всеподданнѣйшаго доклада, сказанныхъ имъ по поводу строевого состоянія войскъ, ихъ образованія и личнаго состава: «Войско только тогда можетъ удовлетворять цѣли, когда устройство его обезпечено всѣмъ необходимымъ, когда образованію его даны достаточныя средства и когда личный составъ его имѣетъ полное сознаніе въ томъ, что воинская доблесть справедливо оцѣняется и что служба каждаго обезпечиваетъ его будущность».

По поводу образованія войскъ Милютинъ, между прочимъ, говоритъ:

«Совершенствованіе арміи основано преимущественно на образованіи единицъ, ее составляющихъ, на развитіи ихъ природныхъ способностей, не только физическихъ, но и умственныхъ...

Для строевого обученія войскъ изданы новые уставы, въ которыхъ упрощенность согласована съ настоящимъ вѣрнымъ тактическимъ направленіемъ...

Не менѣе важныя усовершенствованія произошли въ уставахъ, относящихся къ цѣлымъ частямъ войскъ и къ совокупному ихъ обученію. Въ послѣднее время Ваше Величество изволили одобрить даже мысль о совершенной отмѣнѣ такъ называемыхъ нормальныхъ боевыхъ порядковъ.

Съ предоставленіемъ распорядительности частныхъ начальниковъ возможно большей иниціативы и съ производствомъ самыхъ ученій въ условіяхъ, наиболѣе отвѣчающихъ боевымъ требованіямъ, строевое совершенствованіе

нашей арміи должно упрочиться и вмѣсто рутины, существовавшей до войны, въ *начальникахъ укоренится убѣжденіе, что уставы составляютъ лишь основу для обученія войскъ, а никакъ не полное обученіе, которое именно и заключается въ сообразномъ съ обстоятельствами примѣненіи уставныхъ правилъ.*

Слѣдуя системѣ, исключительно имѣющей въ виду развитіе боевыхъ качествъ войскъ и всегда готовой жертвовать для сего мелочами въ отчетливомъ исполненіи, ученья на ровной мѣстности могли бы быть еще болѣе выводимы изъ употребленія и допускаемы только для отдѣльныхъ баталіоновъ, ученья же съ примѣненіемъ къ мѣстности болѣе и болѣе развиваемы».

Говоря о личномъ составѣ, Милютинъ писалъ:

«Благоустройство и достоинство арміи всего болѣе зависятъ отъ хорошаго выбора начальниковъ на разныя степени служебной іерархіи. Безъ этого существеннаго условія будутъ безплодны всѣ лучшія мѣры, принимаемыя для усовершенствованія войскъ и ихъ управленій...

Та система чинопроизводства выгодна, которая наиболѣе возбуждаетъ въ массѣ служащихъ духъ соревнованія, открывая доступъ къ высшимъ должностямъ преимущественно достойнымъ и способнымъ. Существующая у насъ система чинопроизводства основана почти исключительно на правѣ старшинства по службѣ. Между тѣмъ, одно это условіе для повышенія въ чинахъ не можетъ вполнѣ удовлетворять упомянутымъ выше требованіямъ службы, ибо съ производствомъ въ чины соединено расширеніе круга дѣятельности офицеровъ и занятіе ими высшихъ постовъ. Успѣшное занятіе такихъ должностей, независимо отъ опытности, требуетъ еще и способностей, высшаго образованія и нравственныхъ качествъ; хорошій и весьма опытный командиръ не всегда можетъ быть способенъ къ командованію полкомъ и т. п. Посему въ военной іерархіи есть предѣлъ, далѣе котораго производство по старшинству должно бы совершенно прекращаться; за этимъ предѣломъ право на повышеніе должно быть исключительно основано на способностяхъ и нравственныхъ качествахъ... Нынѣшнее дѣленіе чиновъ представляетъ тотъ недостатокъ, что число степеней превышаетъ различіе въ обязанностяхъ дѣйствительной строевой службы; иначе говоря, у насъ чины не соотвѣтствуютъ должностямъ, почему имѣютъ значеніе

почти только номинальное. Казалось бы возможнымъ и полезнымъ выкинуть нѣкоторыя промежуточныя степени такъ, чтобы всякое повышеніе въ чинѣ соотвѣтствовало назначенію на высшую должность. Только при такомъ условіи можно дать чинопроизводству прочное основаніе».

Останавливаясь на вопросѣ объ обмундированіи, Милютинъ говорилъ:

«Чѣмъ строже комитетъ (разсматривающій вопросъ объ обмундированіи) будетъ въ опредѣленіи всей системы снаряженія солдата, руководствуясь исключительно боевыми практическими цѣлями, упрощая формы, избѣгая въ нихъ всего параднаго, неприносящаго существенной пользы и ведущаго только къ излишнимъ издержкамъ, тѣмъ совершеннѣе онъ выполнитъ возложенное на него порученіе. Главной же цѣлью измѣненій должно быть уменьшеніе вѣса вещей, носимыхъ солдатами, слишкомъ ими обремененными сравнительно съ иностранными войсками и съ собственными ихъ силами».

Наконецъ, Милютинъ въ этихъ своихъ соображеніяхъ коснулся и вопроса о сокращеніи переписки:

«Въ настоящее время, писалъ онъ, войска обременяются составленіемъ разныхъ срочныхъ донесеній, которыя могутъ быть частью отмѣнены, частью же сокращены». Главнымъ же средствомъ къ сокращенію переписки Милютинъ считалъ «установленіе правильныхъ отношеній между начальниками и войсками, расширеніе власти начальствующихъ лицъ и устраненіе ненужныхъ сношеній и формъ дѣлопроизводства» [1]). Несомнѣнно, что далеко не всѣ указанныя соображенія Милютина относительно подготовки войскъ—(а они являются только небольшою частью таковыхъ вообще)—получили свое осуществленіе. Какая доля отвѣтственности падаетъ за это на Милютина, можетъ выяснить въ будущемъ лишь исторія, теперь же можно сказать только, что, не смотря на свое значеніе и вліяніе, покоившееся на полномъ довѣріи къ нему Императора Александра II, все же Милютинъ былъ не всемогущъ. Къ тому же со старыми и, особенно, удобными для себя привычками люди разстаются неохотно, среди же такихъ людей было

[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства. Приложенія къ историческому очерку развитія военнаго управленія въ Россіи. Составилъ Н. А. Даниловъ, стр. 91—103.

не мало враговъ Дмитрія Алексѣевича. Впрочемъ, его желаніе провести въ жизнь намѣченное, его настойчивость и энергія въ этомъ доказываются другими частями его положительно необъятной дѣятельности и потому въ примѣненіи ихъ и въ данномъ случаѣ нѣтъ основаній сомнѣваться. Для оцѣнки же его личности, правильности его взглядовъ, для освѣщенія характера его дѣятельности, вѣрности духа намѣчаемыхъ имъ реформъ въ указанной сферѣ—достаточно вполнѣ и только что приведеннаго матеріала.

Что касается реформъ, касающихся улучшенія быта нижнихъ чиновъ, то въ этомъ отношеніи нужно сказать прежде всего, что реорганизація полкового и ротнаго хозяйства въ этомъ отношеніи внесла существенныя измѣненія въ пользу положенія нижнихъ чиновъ. Но, независимо отъ этого, Милютинымъ были приняты въ административномъ порядкѣ мѣры къ улучшенію пищи нижнихъ чиновъ, ихъ помѣщенія, обмундированія. Въ то же время было обращено вниманіе и на духовные интересы нижнихъ чиновъ: начато было обученіе солдатъ грамотѣ, въ пріемы обученія и вообще обращенія съ ними было внесено болѣе мягкости, болѣе уваженія къ человѣческому достоинству солдата. Милютинъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ тѣлесныхъ наказаній, считая одни—безчеловѣчными, а другія—унизительными для человѣческаго достоинства, а потому и вредными для разумной дисциплины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было издано (въ 1863 году) «Положеніе объ охраненіи воинской дисциплины и взысканій дисциплинарныхъ», которое установило порядокъ наложенія дисциплинарныхъ взысканій и точнымъ образомъ опредѣлило степень и предѣлы власти въ этомъ отношеніи всѣхъ воинскихъ начальниковъ, чѣмъ уничтоженъ былъ въ этомъ вопросѣ господствовавшій до того произволъ.

Въ заботѣ о подъемѣ нравственной личности солдата, въ чемъ Милютинъ видѣлъ опору дисциплины и успѣха военнаго дѣла, въ войскахъ, кромѣ учебныхъ командъ, были заведены ротныя школы, а затѣмъ были изданы общія правила для обученія, приняты были мѣры къ болѣе широкому развитію изданія книгъ и журналовъ для солдатскаго чтенія.

И въ другихъ областяхъ военнаго дѣла Милютинымъ внесено много новаго, но въ виду того, что это многое въ идеѣ основывается на тѣхъ положеніяхъ, о которыхъ говорилось выше, а съ другой стороны, что это новое въ значительной части касается только внѣшней, формальной стороны, я ограничиваюсь здѣсь только простымъ перечисленіемъ фактовъ. Такъ, по интендантской части видоизмѣнена была организація интендантскихъ складовъ и провіантскихъ магазиновъ, при которыхъ учреждены особыя пріемныя комиссіи; основана въ Москвѣ обмундировальная мастерская; измѣненъ размѣръ провіантскаго и фуражнаго довольствія и опредѣлены способы ихъ заготовленія; заведены хозяйственные запасы для обезпеченія продовольствія войскъ; заготовлены запасы вещевого довольствія; установлены новыя правила пріема и отпуска вещей; войска снабжены обозомъ новаго образца; улучшено ремонтированіе лошадьми.

По медицинской части: преобразованы военно-фельдшерскія школы; изданъ новый госпитальный уставъ и установлена организація госпитальной части въ военное время; усовершенствованъ санитарный обозъ; врачебный персоналъ значительно усиленъ въ своемъ составѣ.

По части, касающейся иррегулярныхъ войскъ, открытъ выходъ изъ войскового сословія; лица другихъ сословій пріобрѣли право селиться и пріобрѣтать собственность въ земляхъ казачьихъ войскъ; въ административномъ, судебномъ и полицейскомъ отношеніяхъ лица казачьяго сословія подчинены учрежденіямъ, или общимъ съ остальными сословіями, или же устроеннымъ весьма сходно съ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи. Затѣмъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ въ виду поставить казаковъ въ военномъ отношеніи въ уровень съ регулярными войсками. Съ этой цѣлью изданы были новыя положенія о воинской повинности и о военной службѣ казаковъ; казаки снабжены новымъ оружіемъ, а казачьи части, находящіяся на дѣйствительной службѣ, поставлены въ одинаковыя условія и большей частью введены въ составъ регулярныхъ кавалерійскихъ дивизій; приняты были мѣры для обезпеченія скорѣйшей мобилизаціи вновь вызываемыхъ на службу казачьихъ частей, исправнаго ихъ снаряженія и вооруженія.

Какъ государственный дѣятель, Милютинъ не является только Военнымъ Министромъ. Его просвѣщенность, его выдающіяся дарованія, эрудиція, опытность, изумительное трудолюбіе и неугасавшая энергія давали ему возможность и ставили его въ необходимость оказывать вліяніе и на другія реформы царствованія Императора Александра II.

Особенно замѣтно и плодотворно сказалось вліяніе Милютина при изданіи закона 17-го апрѣля 1863 года объ отмѣнѣ жестокихъ наказаній, какъ-то: шпицрутеновъ, плетей, розогъ, клейменія, приковыванія къ телѣжкѣ и т. п.

Принималъ также живое участіе Милютинъ и въ обсужденіи земской реформы. При разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ Милютинъ всецѣло стоялъ за строгое проведеніе основъ раціональнаго судопроизводства.

Особенно горячее участіе принималъ Милютинъ въ разсмотрѣніи закона о печати 1865 г., жестоко критикуя его проектъ, составленный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Валуевымъ.

Одновременное существованіе изданій, и подлежащихъ предварительной цензурѣ, и отъ нея освобожденныхъ, онъ считалъ неудобнымъ; возставалъ противъ сосредоточенія власти надъ печатью въ рукахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, указывая, что рѣшеніе по дѣламъ печати необходимо возложить не на одно лицо, а на учрежденіе коллегіальное и притомъ самостоятельное.

Впрочемъ, всѣ возраженія Милютина противъ Валуевскаго проекта успѣха не имѣли.

Проведеніемъ въ жизнь устава о воинской повинности 1874 года, въ сущности говоря, закончилась наиболѣе кипучая реформаторская дѣятельность Милютина. Наступившая вскорѣ послѣ этого мобилизація части нашей арміи, а затѣмъ война явились экзаменами для всѣхъ почти реформъ Милютина и нужно сказать, что въ большинствѣ случаевъ онѣ этотъ экзаменъ выдержали съ честью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта война еще разъ заставила Милютина выказать блестящія боевыя качества. Все время войны онъ находился въ главной квартирѣ при Императорѣ Александрѣ II. Въ печальные дни Третьей Плевны, когда въ главной квартирѣ раздавались голоса въ пользу отступленія, Милютинъ категорически высказался противъ

такого способа дѣйствій и, поддержавъ мысль о сближеніи съ Плевной вмѣсто отхода отъ нея, подробно развилъ планъ будущихъ дѣйствій.

Спокойное, вѣское и авторитетное слово Милютина привело къ рѣшенію, наиболѣе соотвѣтствующему обстановкѣ и вполнѣ отвѣчающему чести и достоинству русской арміи.

Послѣ паденія Плевны Милютинъ настоятельно поддерживалъ мысль о безотлагательномъ переходѣ черезъ Балканы, приведшемъ нашу побѣдоносную армію къ стѣнамъ Константинополя.

За заслуги, оказанныя Милютинымъ въ войну 1877—78 гг., онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-ой степени, былъ назначенъ шефомъ 121 пѣх. Пензенскаго п. (1877 г.) и возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство (1878 г.), причемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Милютину Императоромъ Александромъ II, было засвидѣтельствовано, что «принятіемъ его (Вашихъ) благоразумныхъ и полезныхъ совѣтовъ были достигнуты блистательные результаты».

1-го марта 1881 года въ Бозѣ почилъ Императоръ Александръ II, а черезъ $2^1/_2$ мѣсяца графъ Милютинъ покинулъ постъ Военнаго Министра.

При увольненіи отъ должности Военнаго Министра графъ Милютинъ получилъ портреты Императора Александра II и Александра III, осыпанные алмазами, для ношенія на груди, и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и удостоенъ Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ слѣдующаго содержанія:

«Графъ Дмитрій Алексѣевичъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ согласившись на просьбу вашу объ увольненіи васъ, по совершенно разстроенному здоровью, въ отпускъ съ отчисленіемъ отъ должности Военнаго Министра, указомъ Государственному Совѣту, сего числа даннымъ, Я назначилъ васъ членомъ сего Совѣта.

Будучи призваны къ управленію Военнымъ Министерствомъ въ 1861 году, Вы въ теченіе 20-ти лѣтъ оставались неизмѣннымъ сотрудникомъ и довѣреннымъ въ Бозѣ почившаго Моего Родителя. Его мудрыя предначертанія и отеческія заботы, нераздѣльно направленныя ко благу и процвѣтанію русскаго народа, къ развитію и благоустройству храброй и славной русской арміи, всегда находили въ васъ искуснаго и достойнаго исполнителя, неутомимаго

въ трудахъ и душою преданнаго возложеннымъ на васъ важнымъ обязанностямъ. Ваша многолѣтняя и просвѣщенная дѣятельность принесла несомнѣнные плоды.

Неизмѣнное особое къ вамъ благоволеніе и высокая оцѣнка вашихъ государственныхъ заслугъ со стороны въ Бозѣ почившаго Императора несомнѣнно составятъ для васъ неизгладимое на всю жизнь воспоминаніе и наилучшую награду. Я лично не переставалъ слѣдить съ величайшимъ вниманіемъ за вашею дѣятельностью по возведенію вооруженныхъ силъ Россіи на высоту политическихъ потребностей государства и современнаго развитія дѣла.

Въ воспоминаніе о Незабвенномъ, котораго кончину мы, вмѣстѣ со всѣми вѣрноподданными, не перестаемъ оплакивать, а также въ свидѣтельство Моего къ вамъ уваженія и глубокой искренней признательности за ваши личные громадные и полезные труды, Я съ особеннымъ удовольствіемъ препровождаю при семъ къ вамъ для ношенія на груди осыпанные алмазами портреты въ Бозѣ почившаго Императора и Мой. Да поможетъ вамъ Богъ, послѣ необходимаго отдыха и поправленія здоровья, продолжать еще многіе годы ваше доблестное и преданное служеніе Престолу и Отечеству».

Въ день коронаціи Императора Александра III графъ Милютинъ былъ удостоенъ награжденія брилліантовыми знаками ордена св. Андрея Первозваннаго.

И впослѣдствіи Императоръ Александръ III не забывалъ вѣрнаго и талантливаго слугу Своего Отца, и въ день 50-лѣтія службы графа Милютина въ офицерскихъ чинахъ, 8-го ноября 1883 года, удостоилъ его новымъ Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ, въ которомъ говорилось слѣдующее:

«Совершившееся сегодня пятидесятилѣтіе достохвальнаго служенія вашего Престолу и Отечеству даетъ мнѣ поводъ привѣтствовать въ васъ неутомимаго и довѣреннаго сотрудника Незабвеннаго Моего Родителя въ доблестномъ и важномъ военномъ дѣлѣ. Многолѣтніе труды ваши на усовершенствованіе военнаго устройства Россіи представляютъ нынѣ возможность обращать преимущественную дѣятельность правительства на мирное развитіе обширныхъ силъ нашего Отечества. Съ особеннымъ удовольствіемъ выражая вамъ еще разъ сегодня искреннюю признательность

за долголѣтнюю и полезную службу вашу, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ».

Въ этотъ же день графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ былъ назначенъ почетнымъ президентомъ академій: Николаевской генеральнаго штаба и Александровской — юридической.

8-го ноября 1893 года, въ день 60-ти-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, обѣ академіи поднесли графу Дмитрію Алексѣевичу глубоко прочувствованные адреса.

28-го октября 1897 года исполнилось 60 лѣтъ службы графа Милютина въ генеральномъ штабѣ. Въ этотъ знаменательный для маститаго юбиляра день онъ былъ осчастливленъ полученіемъ слѣдующей телеграммы отъ Государя Императора:

«Сегодня исполнилось 60 лѣтъ со дня зачисленія вашего въ генеральный штабъ, и Мнѣ пріятно вспомнить по этому поводу вашу замѣчательную служебную дѣятельность, ваши выдающіяся государственныя заслуги. Беззавѣтная преданность ваша интересамъ Отечества и его арміи, неутомимая и высокоталантливая работа ваша быстро и по достоинству довели васъ до высшихъ постовъ военнаго управленія и сдѣлали васъ однимъ изъ ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ сотрудниковъ Моего покойнаго Дѣда, который горячо любилъ и уважалъ васъ. Съ такими же чувствами искренняго уваженія къ высокимъ качествамъ вашего ума и сердца Я, въ сегодняшнюю знаменательную годовщину, шлю вамъ Мой привѣтъ и сердечно желаю, да продлитъ Господь вашу маститую старость, осѣняемую отраднымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга передъ Отечествомъ».

Въ этотъ же день графу Дмитрію Алексѣевичу отъ лица всего корпуса офицеровъ генеральнаго штаба высшими представителями его, находящимися въ Петербургѣ, былъ поднесенъ рѣдкій по сердечности адресъ, въ которомъ сжато, но сильно были подчеркнуты крупнѣйшія его заслуги на государственномъ поприщѣ, въ особенности то, что было Милютинымъ сдѣлано, какъ офицеромъ генеральнаго штаба, такъ и для генеральнаго штаба.

Въ 1898 году графъ Дмитрій Алексѣевичъ выѣзжалъ изъ Симеиза, чтобы присутствовать на открытіи въ Москвѣ памятника Императору Александру II, при которомъ протекала его многотрудная, но въ то же время и плодотвор-

ная и многополезная государственная дѣятельность въ качествѣ Военнаго Министра.

Въ день открытія памятника графу Милютину было оказано Государемъ особенное вниманіе: въ этотъ день графъ Дмитрій Алексѣевичъ въ воздаяніе важныхъ услугъ, оказанныхъ Престолу и Отечеству въ царствованіе Императора Александра II, былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ званіи генералъ-адъютанта, и въ генеральномъ штабѣ.

Эта изъ ряда вонъ выходящая награда сопровождалась рѣдкимъ по теплотѣ и сердечности Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ Государь выражалъ графу особую признательность.

Въ рескриптѣ этомъ, между прочимъ, было начертано:

«Произволеніемъ Божіимъ, исполняя волю и завѣтъ Моего Незабвеннаго Родителя и торжественно открывая сегодня памятникъ въ Бозѣ почивающему Дѣду Моему, Императору Александру II, воздвигнутый народной любовью и благоговѣйною благодарностью къ Царю Освободителю, Я съ особымъ удовольствіемъ вижу и привѣтствую васъ въ числѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ, Меня окружающихъ. Я знаю и помню, какимъ неизмѣннымъ, преданнымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ почивающаго Монарха вы были въ теченіе 20 лѣтъ, исполняя обязанности Военнаго Министра».

«Въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народномъ и государственномъ преуспѣяніи Россіи Императоръ Александръ II, по мысли и воли Котораго были совершены громадныя преобразованія рѣшительно по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, обратилъ также особое вниманіе на необходимость новаго устройства и усовершенствованія вооруженныхъ силъ, соотвѣтственно быстрому развитію общаго строя государственной жизни Россіи и современнымъ успѣхамъ военнаго дѣла».

Очерчивая дѣятельность графа Дмитрія Алексѣевича въ теченіе 20-ти-лѣтняго управленія Военнымъ Министерствомъ по кореннымъ преобразованіямъ по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія и касаясь побѣдоносной войны 1877—78 г.г., рескриптъ гласитъ далѣе:

«Передъ лицомъ Россіи и исторіи Императоръ Александръ II засвидѣтельствовалъ въ рескриптѣ, данномъ на ваше имя въ знаменательный день овладѣнія Плевной, о

патріотическихъ заслугахъ вашихъ какъ по благоустройству боевыхъ силъ Имперіи, послужившему залогомъ пріобрѣтенныхъ успѣховъ, такъ и по участію вашему въ бывшихъ въ теченіе кампаніи военныхъ совѣщаніяхъ, причемъ принятіемъ вашихъ благоразумныхъ и полезныхъ совѣтовъ были достигнуты блистательные результаты».

«Въ сегодняшній день всенародныхъ воспоминаній о Великомъ Императорѣ, Моемъ Дѣдѣ, Я призналъ за благо почтить память о Немъ и совершенномъ Имъ подвигѣ войны за освобожденіе балканскихъ христіанскихъ народовъ въ лицѣ Его ближайшаго и неизмѣннаго сотрудника въ дѣлѣ устройства арміи и въ самомъ веденіи и завершеніи войны. Высочайшимъ приказомъ отъ сего числа Я пожаловалъ вамъ чинъ генералъ-фельдмаршала. Да будетъ сей высшій чинъ для васъ отраднымъ напоминаніемъ времени вашей службы и дѣятельности въ знаменательную эпоху, пережитую Россіей, а для русской арміи пусть эта награда, нынѣ вамъ жалуемая, послужитъ свидѣтельствомъ вашихъ трудовъ и заслугъ въ дѣлѣ ея созиданія и пріобрѣтенія ею новыхъ боевыхъ лавровъ...»

Богъ благословилъ маститую старость графа Милютина, и онъ дожилъ до рѣдчайшаго юбилея: 8-го ноября 1908 года исполнилось 75 лѣтъ его служенія въ офицерскихъ чинахъ.

Въ этотъ день графъ Милютинъ былъ пожалованъ настольнымъ портретомъ Государя Императора, украшеннымъ драгоцѣнными камнями.

Пожалованіе этого портрета сопровождалось слѣдующимъ высокомилостивымъ рескриптомъ:

«Графъ Дмитрій Алексѣевичъ,

Занимая должность Военнаго Министра въ славное царствованіе Императора Александра Второго, вы являлись ближайшимъ сотрудникомъ Моего приснопамятнаго Дѣда въ Его неустанныхъ заботахъ о развитіи русской военной мощи.

Плодами просвѣщенныхъ трудовъ вашихъ былъ рядъ коренныхъ преобразованій и усовершенствованій въ организаціи и управленіи войскъ, поднявшихъ боевую ихъ готовность. Подъ вашимъ руководствомъ приняты были весьма важныя мѣры для повышенія образовательнаго уровня офицерскаго состава и при ближайшемъ вашемъ участіи введена, взамѣнъ рекрутскихъ наборовъ, всеобщая воин-

ская повинность, а равно внесены существенныя улучшенія въ обученіе, снабженіе и вооруженіе арміи. Реформы эти и понынѣ составляютъ основу устройства нашей арміи.

Желая въ сегодняшній день семьдесятъ пятой годовщины производства вашего въ офицеры явить вамъ новый знакъ глубокаго уваженія, которое Я питаю, вмѣстѣ со всей арміей, къ вашимъ патріотическимъ заслугамъ, Я пожаловалъ вамъ препровождаемый при семъ настольный портретъ Мой, драгоцѣнными камнями украшенный».

Въ этотъ же день, когда вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія графа Милютина Почетнымъ Президентомъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Академія, желая навсегда закрѣпить связь, которая существовала между Академіей и ея высокопочитаемымъ Почетнымъ Президентомъ, ходатайствовала о наименованіи въ память этого дня зала засѣданій ея конференцій заломъ графа Д. А. Милютина, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Академія въ этотъ день привѣтствовала своего Почетнаго Президента адресомъ, который былъ врученъ ему особой депутаціей въ Симеизѣ.

Въ этомъ адресѣ Академія почтительнѣйше поздравляла маститаго юбиляра и сердечно высказывала тѣ чувства признательности, которыя живутъ въ ней за все сдѣланное для нея графомъ.

Прошло еще три года и насталъ для графа Милютина еще одинъ, но, увы, послѣдній юбилей: 30-го ноября 1911 года исполнилось 75 лѣтъ со дня окончанія имъ Императорской Военной Академіи (впослѣдствіи Николаевская Академія Генеральнаго Штаба, а нынѣ—Императорская Николаевская Военная Академія).

Съ Высочайшаго соизволенія въ этотъ день особая депутація отъ Академіи привѣтствовала въ Симеизѣ своего Почетнаго Президента съ небывалымъ еще юбилеемъ.

Относительно бодрый, со свѣтлымъ умомъ, съ живымъ интересомъ ко всему происходящему, принялъ юбиляръ депутацію и внимательно выслушалъ подносимый ему отъ Академіи адресъ.

Это было послѣднее соприкосновеніе маститаго старца съ той жизнью, въ которой онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе, въ которой онъ оставилъ неизгладимый на

всѣ времена слѣдъ и которой онъ интересовался до самыхъ послѣднихъ дней своихъ...

25-го января 1912 года, на 96 году жизни, угасъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ.

Его душа отлетѣла въ вѣчность, его тѣло предано сырой землѣ—да будетъ она ему легка,—его дѣянія перешли въ потомство, оставивъ такой слѣдъ въ жизни Россіи и ея арміи, что никогда не забудутся, создавъ графу Дмитрію Алексѣевичу Милютину вѣчную память.

Будучи великимъ государственнымъ дѣятелемъ, много способствовавшимъ развитію могущества Россіи и ея культурному росту, графъ Дмитрій Алексѣевичъ былъ очень скромнымъ человѣкомъ.

Высоко гуманный, безупречно честный, до крайности благородный, въ высшей степени простой, просвѣщенный и всесторонне образованный, графъ Дмитрій Алексѣевичъ, обладавшій, по словамъ одного изъ своихъ современниковъ, одной лишь человѣческой страстью — страстью трудиться, производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе.

Графъ Милютинъ дожилъ почти до ста лѣтъ, но онъ не пережилъ себя и даже смерть не заставитъ забыть графа Д. А. Милютина, который своими дѣлами давно уже въ сердцахъ русскихъ создалъ себѣ «памятникъ нерукотворный».

Генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-адъютантъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ числился по генеральному штабу; былъ членомъ Государственнаго Совѣта, Почетнымъ Президентомъ Императорской Николаевской Военной и Александровской юридической академій, Почетнымъ членомъ академій: Михайловской артиллерійской, Николаевской инженерной и Императорской Военно-Медицинской, членомъ корреспондентомъ и почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ и университетовъ: Московскаго и Харьковскаго, и обществъ: Императорскаго Русскаго Географическаго, Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго, Одесскаго—исторіи и древностей Россійскихъ,—Краснаго Креста, Подачи помощи при кораблекрушеніяхъ, — докторомъ Русской исторіи, шефомъ 121-го Пензенскаго имени своего полка и числился въ Л.-Гв. 1-й Артиллерійской бригадѣ.

Графъ Д. А. Милютинъ участвовалъ въ кампаніяхъ, въ 1839 году, 1843—1844 г.г., 1859—1860 г.г., 1877—1878 г.г.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Милютинъ имѣлъ слѣдующіе русскіе ордена: Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ, Св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ, Св. Анны 2-й степени, Св. Анны 2-й степени съ Императорской короною, Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 2-й степени, Бѣлаго Орла съ мечами, Св. Александра Невскаго, алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, Св. Владимира 1-й степени, Св. Андрея Первозваннаго, Св. Георгія 2-й степени, брилліантовые знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Независимо отъ этого, графъ Милютинъ былъ награжденъ назначеніемъ въ Свиту Его Величества, назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству, назначенъ шефомъ 121-го пѣхотнаго Пензенскаго полка, возведенъ въ графское достоинство, получилъ портреты Императоровъ Александра II и Александра III, алмазами осыпанные, портреты Императоровъ Николая I и Государя Императора Николая II, брилліантами осыпанные, для ношенія на груди, настольный портретъ Государя Императора Николая II, драгоцѣнными камнями осыпанный, золотую табакерку съ портретами Императора Александра III и Государя Императора Николая II, осыпанными брилліантами.

Кромѣ того, въ 1863 году графу Милютину было пожаловано 6400 десятинъ земли въ Пятигорскомъ уѣздѣ Ставропольской губерніи; въ 1866 году—имѣніе въ Царствѣ Польскомъ, а въ 1872 году—аренда въ 5000 рублей въ годъ.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТ
АКАД